

Хоуп Миррлиз
Луд-Туманный

Миррлиз Х.

Луд-Туманный / Х. Миррлиз — 1926

"Луд-Туманный" - это роман-притча о том, какие опасности таит в себе попытка вытеснить из жизни все неизведанное, таинственное, не вписывающееся в традиционные рамки. Словно каменной стеной, отгородились жители маленького государства Доримар от мира волшебства и иллюзий древними предрассудками и придуманными принципами, которые они называют Законом. Много испытаний приходится им пережить, чтобы открыть свои души, умы и сердца мечте, фантазии, искусству... Эта принципиально важная для фэнтези книга дважды издавалась в русских переводах, но, кажется, осталась почти не замеченной. Волшебная Страна, созданная автором – безгранична, неисчерпаема, хаотична, не подчинена ни моральному закону, ни единому сюжету.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	23
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Хоуп Миррлиз Луд-Туманный

Глава 1 Мастер Натаниэль Шантиклер

Свободное государство Доримар было совсем небольшой страной. Но так как его земли с юга омывались морем, с востока и севера опоясывались горами, а в центре раскинулась плодородная долина, орошаемая двумя реками, здесь встречались самые разнообразные ландшафты и растительность. И в самом деле, на западе страны природа была схожа с тропиками, во всяком случае составляя разительный контраст с пасторальной умеренностью центральной долины. Ничего странного в этом не было, потому что за Горами Раздора, служившими западной границей Доримар, лежала Страна Фей. Никаких контактов, однако, между этими странами не существовало уже много столетий.

Культурным и торговым центром Доримара была его столица Луд-Туманный, расположенная у слияния двух рек в десяти милях от моря и в пятидесяти от Эльфских гор.

В Луде-Туманном было все, что придает очарование старому городу. Здесь была Палата Гильдий, здание которой, выстроенное из золотистого кирпича и увитое плющом, в лучах яркого солнца походило на переспелый абрикос. Была гавань, где стояли корабли с парусами белыми, алыми и цвета охры. Были похожие друг на друга кирпичные домики – не просто обычные жилища, но некие древние существа, которые обновлялись и преображались с каждым новым поколением, оставляя неизменной только старую кровлю. Здесь были старинные арки, живописные улочки, удобные для прогулок, древнее кладбище на вершине холма и открытые скверики с забавными барочными статуями, изображавшими умерших граждан. И, кроме того, здесь в изобилии росли деревья. В самом деле, это был очаровательный город.

Один из самых красивых домов в Луде-Туманном с давних времен принадлежал семейству Шантиклеров. Он был построен из красного кирпича, и его оштукатуренный фасад, выходящий на аллею, примыкающую к Хай-стрит, украшали изящно вылепленные цветы, фрукты и ракушки, а над дверью был изображен стилизованный петух – символ семейства.¹ За домом раскинулся обширный сад, спускавшийся к реке Пестрой. И хотя цветов в нем было более чем достаточно, они не сразу обращали на себя внимание, ибо скрывались за изгородью и в огороде, где их аккуратные полосы обрамляли овощные грядки. Весной здесь радовали глаз густые декоративные изгороди из тиса и цветущие фруктовые деревья. За пределами огорода необходимости в цветах не было, так как их с успехом здесь заменяло множество других вещей. Все изящное, живописное и бесполезное, все, намекавшее на эстетические склонности Создателя, соединявшего различные предметы только потому, что их сочетание ему нравилось, прекрасно справлялось с ролью цветка.

В начале лета это были голуби с перьями цвета сливы на грудках. Они переваливались на своих коралловых ножках по обширному газону, зелень которого от их близости становилась просто пронзительной. Здесь жил белый павлин, который, несмотря на суетливость и хриплые крики, тоже имел неуловимое сходство с цветком. И саму реку Пеструю, испещренную, как палитра художника, разноцветными лоскутами небесных и земных отражений, даже ее можно было принять за цветок, растущий в саду у Шантиклеров. Осенью она увлекала за собой красные и желтые листья, упавшие, возможно, с деревьев в Стране Фей, где она брала свое начало.

¹ Шантиклер (фр.) – петух.

Еще здесь была грабовая аллея.

Для человека, наделенного богатым воображением, пройти по аллее с переплетенными вверху ветвями деревьев всегда сродни приключению. Вы довольно смело входите в нее, но очень скоро чувствуете, что лучше бы вам не входить вовсе: вы вдыхаете не воздух, а самую тишину, вязкую тишину деревьев. Неужели единственная возможность выйти отсюда – маленькое круглое отверстие там, вдалеке? Но протиснуться сквозь такое невозможно. Нужно вернуться... Слишком поздно! Просторный вход, через который вы попали сюда, уже и сам успел сжаться до маленького круглого отверстия.

Мастер² Натаниэль Шантиклер, нынешний глава семейства, внешне был типичным доримарцем: круглый, румяный, рыжеволосый, со светло-кариими глазами, в которых еще непронесенные шутки поблескивали, как форель на сковороде.

Его душевный склад тоже был типичен для доримарца, хотя всегда небезопасно классифицировать души наших ближних – существует риск остаться, мягко говоря, в дураках. Каждую встречу с другом вы будете рассматривать как произвольный с его стороны сеанс позиционирования для портрета, который, вполне вероятно, до вашей или его смерти все еще не будет закончен. И хотя рисование портретов – захватывающее занятие, художникам грозит опасность, в конце концов, превратиться в пессимистов. Ибо каким бы красивым и веселым не было лицо, каким бы богатым не казался фон при первом наброске, с каждым мазком кисти, с каждым, пусть даже крохотным, изменением игры светотени, глаза, глядящие на вас, становятся все беспокойнее. И, наконец, вы с ужасом смотрите на свое собственное лицо, как в зеркало при свечах.

Все, кто знал мастера Натаниэля, удивились бы, да и просто не поверили, услышав, что он несчастлив. Однако дело обстояло именно так. В самом начале его жизнь была отравлена каким-то неясным страхом, который никогда не покидал его.

Мастер Натаниэль точно знал, когда *это* появилось. Однажды вечером, много лет назад, когда он был еще юношей, они с друзьями решили пошутить – нарядиться призраками и испугать слуг. Недостатка в аксессуарах не было, ибо чердак дома Шантиклеров ломился от разного хлама: гротескных деревянных масок, древнего оружия, музыкальных инструментов, ветхого платья – театральных костюмов и одеяний иерофантов, которые вряд ли подходили для повседневного обихода. Еще там были сундуки, набитые отрезками шелка с вышитыми или нарисованными на них сценками. Кто из нас не задавался вопросом, в каких волшебных лесах наши предки находили прообразы зверей и птиц, украшающих гобелены, на каких планетах разыгрывались изображаемые ими сюжеты? Напрасно пальцы мастериц вышивали под ними слова *февраль* или *соколиная охота*, или *сбор урожая*, дабы заставить нас поверить в то, что это всего лишь изображение деятельности человека, соответствующее разным месяцам года. Мы можем себе представить, с какой насмешливой улыбкой делали это искусные обманщики былых времен. Нас не проведешь. Это не обычные занятия смертных. Что за существа населяли Землю четыре-пять столетий назад, какими необыкновенными знаниями они владели и какие зловещие поступки совершали, мы никогда не узнаем. Наши предки надежно берегут свои тайны.

Среди хранившихся на чердаке богатств было также много разных изящных вещей – вееров, фарфоровых чашек, резных печатей. После того, как ушла породившая их эпоха, они стали восприниматься по-особому, вызывая умиление. Мы чувствуем, что эти удивительные игрушки никогда не могли быть совсем пустячными – в их расцветке и форме есть что-то необыкновенно печальное. Кроме того, мораль, заключенная в росписях этих безделушек, часто выражалась в афоризме или загадке. Например, на веере, расписанном анемонами и фиалками, красовалась надпись:

² Господин, старинная форма обращения.

Чем меланхолия похожа на мед?
Она так же сладка, и ее собирают с цветов.

Эти безделушки явно принадлежали более позднему периоду, чем маски и костюмы, но были бесконечно далеки от повседневной жизни современных доримарцев.

Итак, когда все выбелили лица мукой и разрисовались самым фантастическим образом, Натаниэль схватил один из старинных инструментов – разновидность лютни, с подгнившими от сырости и времени струнами, гриф которой заканчивался резной головой петуха, и, выкрикнув: «А ну-ка посмотрим, сможет ли еще эта старая развалина каркнуть!» – грубо дернул струны. Раздался звук, такой протяжный и завораживающий, что кровь застыла у них в жилах. На несколько мгновений вся компания окаменела.

Наконец одна из девушек спасла положение. Зажав уши руками, она шутливо воскликнула: «Вот спасибо тебе, Нат, за кошачий концерт! Это хуже, чем железом по стеклу». А один из юношей, смеясь, сказал: «Это, наверное, дух одного из твоих предков, который хочет, чтобы его отпустили выпить стаканчик своего же собственного кларета». Об инциденте все забыли, но мастер Натаниэль не забыл.

Он стал другим человеком. Годами Звук преследовал его. Он был как бы живой субстанцией, объектом закона химических преобразований, а скорее олицетворением того, как этот закон действует в снах. Например, однажды Натаниэлю снилось, что его старая кормилица печет у очага яблоко в своей уютной комнате, а он наблюдает, как, шипя, закипает сок. Она вдруг посмотрела на него, странно улыбаясь, как никогда не улыбалась наяву, и произнесла:

– Но ты же знаешь, что это не яблоко. *Это – Звук.*

Происшествие странным образом повлияло на его отношение к повседневной жизни. До того, как он услышал Звук, своей нетерпимостью к рутине и тягой к путешествиям и приключениям он доставлял отцу немало хлопот. Подумайте только, ходили слухи, будто Натаниэль поклялся, что скорее станет капитаном одного из кораблей своего отца, чем владельцем всего флота, если при этом вынужден будет сидеть на месте.

Но с тех пор, как он услышал Звук, во всем Луде-Туманном не было более уравновешенного молодого человека и второго такого домоседа. Потому что теперь он всегда помнил, какую тоску и желание могут вызывать самые прозаичные вещи, которыми когда-то обладал. Он как будто заранее переживал потерю того, что все еще ему принадлежало.

Так родилось постоянное чувство неуверенности и недоверия к любимым вещам. Какой из знакомых предметов – перо, трубку, колоду карт – будет он держать, какое многократно повторяемое действие будет он совершать – одевать или снимать ночной колпак, выслушивать ежедневные отчеты, – когда *ОНО* – скрытая угроза – набросится на него? И в ужасе вглядывался он в мебель, стены, картины: свидетелями какой необычной сцены станут они в один из дней, какой трагический опыт переживет он однажды в их присутствии?

Поэтому временами он смотрел на настоящее с мучительной нежностью человека, рассматривающего свое прошлое: на жену, занятую вышиванием у лампы и рассказывающую ему сплетни, услышанные за день, или на сынишку, играющего с догом на полу.

Ностальгия по тому, что когда-то существовало, слышалась в крике петуха, вобравшего в себя и плуг, врезающийся в землю, и запах деревни, и мирную суету на ферме. Это происходило *сейчас*, и в то же время оплакивалось в крике как нечто, исчезнувшее много веков тому на зад.

Однако тайно сжигавший его яд был не лишен и некоторой сладости. Потому что неизвестное, нагонявшее на него смертельный страх, иногда можно было воспринимать как опасный мыс, который он уже обогнул. И, лежа ночью без сна в теплой пуховой постели, прислушиваясь к дыханию жены Златорады и шелесту ветра в ветвях деревьев, он испытывал острое наслаждение.

Он говорил себе: «Как приятно! Как безопасно! Как тепло! Как непохоже это на ту безлюдную вересковую пустошь, когда у меня не было плаща и ветер пробирался во все швы камзола; у меня болели ноги, луна едва светила, и я все время спотыкался, а *ОНО* кралось в темноте». Он говорил это, упиваясь переживанием какого-то неприятного приключения, благополучно оставшегося позади. В этом также крылась причина гордости, испытываемой им от хорошего знания своего города. Так, например, возвращаясь из Палаты Гильдий домой, он говорил себе: «Прямо через рыночную площадь, вниз по переулку Яблочных Чертиков, затем обогнуть оружейную герцога Обри и на Хай-стрит... Я знаю эту дорогу как свои пять пальцев, как свои пять пальцев!»

И каждый знакомый, с которым он встречался, каждая собака, которую он мог назвать по имени, усиливали это ощущение безопасности и вызывали всплеск самодовольства. «Это Виляшка – пес Гозелины Флекс, а это Мэб – овчарка мясника Рэкабайта, я их знаю!»

Бессознательно он представлялся самому себе чужестранцем, которого никто не знает, и который поэтому так же неуязвим, как если бы он был невидимым.

Единственным внешним проявлением его тайной тревоги были вспышки внезапной и необъяснимой раздражительности, если какое-нибудь невинное слово или замечание случайно пробуждало его страхи. Он терпеть не мог, когда говорили «кто знает, что будет через год?» и ненавидел такие выражения, как «в последний раз», «никогда больше», в каком бы будничном контексте они не произносились. Например, он приходил в бешенство, когда жена заявляла: «Никогда больше не пойду к этому мяснику!» или: «Этот крахмал отвратительный. Я крахмалила им белье в последний раз».

Страх также пробуждал в нем тоскливую зависть к положению других людей: именно поэтому он страстно интересовался жизнью своих соседей, словно она проходила совсем в другом мире, непохожем на его собственный. Поэтому у него сложилась не совсем заслуженная репутация человека очень отзывчивого и участливого. Он завоевал сердца многих морских капитанов, фермеров и старух-работниц тем, что проявлял поразительный интерес к их рассказам. Длинные запутанные истории из их обыкновенной бедной монотонной жизни вызывали у него то же чувство, какое испытывает путешественник, застигнутый в пути ночью, при взгляде на светящееся окно уютной гостиной.

Он даже иногда хотел поставить себя на место умерших и часами бродил по старому кладбищу, которое с незапамятных времен называлось Поля Греммери. Он объяснял свою привычку тем, что оттуда открывался очаровательный вид на Луд-Туманный и его окрестности. Но хотя ему действительно искренне нравился открывавшийся сверху вид, на самом деле его влекли туда эпитафии, подобные этой:

Здесь покоится Эбенизер Спайк,
булочник,
на протяжении шестидесяти лет снабжавший
жителей Луда-Туманного свежим вкусный хлебом,
и умерший в возрасте восьмидесяти лет
в окружении сыновей и внуков.

Как хотелось ему поменяться местами с этим старым булочником! Но тут же его посетила тревожная мысль о том, что, возможно, не стоит слепо верить эпитафиям.

Глава 2

Герцог, отшутившийся от власти, и прочие традиции Доримара

Прежде чем продолжить наш рассказ, считаем необходимым для лучшего его понимания вкратце описать историю Доримара, а также верования и традиции его жителей.

Луд-Туманный раскинулся на берегах двух рек, Пестрой и Дола, сливавшихся под острым углом в окрестностях города. В месте их пересечения находится порт. Дома расползлись по склону холма, на вершине которого находились Поля Греммери.

Дол был самой большой рекой Доримара и у Луда-Туманного становился таким широким, что предоставлял городу, находившемуся за двадцать миль от моря, все преимущества порта, в то время как собственно морской порт был не многим больше рыбацкой деревушки.

А река Пестрая, берущая свое начало в Стране Фей (из соленого подземного озера, как утверждали географы) и протекавшая, не выходя на поверхность земли, под Горами Раздора, была спокойным ручейком и не играла никакой роли в торговой жизни города. Но в Доримаре бытовала старинная поговорка: «Пестрая впадает в Дол». Ее употребляли тогда, когда хотели подчеркнуть, как неразумно относиться с презрением к роли незначительных факторов; хотя, возможно, когда-то в поговорку вкладывался другой смысл.

Богатство и влияние страны зависели главным образом от Дола. Только благодаря Долу девушки из дальних деревень Доримара носили броши из моржовых клыков и лечили зубную боль рогом единорога. Страусиное яйцо украшало каминные доски в гостиной почти каждого фермера. Когда дамы Луда-Туманного отправлялись делать покупки или играть в карты с друзьями, их корзинки или маркеры³ из слоновой кости несли смуглые пажи в лиловых тюрбанах, вывезенные с Коричных островов, а на улицах города карлики-коробейники с Крайнего Севера торговали вразнос янтарем. Именно благодаря Долу Луд-Туманный стал городом торговцев, в чьих руках были сосредоточены вся власть и почти все богатство страны.

Но так было не всегда. В старину Доримар был герцогством, и его население состояло из дворянства и крестьян. Постепенно возник средний класс, который вскоре обнаружил – как он всегда это делает, – что торговле серьезно препятствует правитель, чья власть была ничем не ограничена, и безжалостный привилегированный класс – аристократы.

С каждым поколением герцоги становились все более капризными и деспотичными, пока, наконец, все эти качества не сосредоточились в герцоге Обри Меднокудром, горбуне с лицом ангельской красоты, одержимом демоном разрушения. Он способен был, веселья ради, проскакать во время охоты по полю неубранной пшеницы или поджечь самый красивый корабль только ради удовольствия посмотреть, как он горит. К добродетели жен и дочерей своих подданных он относился также своеобразно.

Его проделки отличались довольно зловещим юмором. Например, когда в канун свадьбы девушка, по древнему обычаю, предлагала свою невинность духу фермы, символом которого было самое старое дерево, герцог Обри под видом духа выскакивал из-за этого дерева и овладевал ею. Молва утверждает, что однажды герцог вместе с одним из своих собутыльников побились об заклад, что доведут придворного шута до того, что он покончит с собой по собственной воле. И они стали воздействовать на его воображение жалобными песнями о бренности жизни и мрачными баснями, в которых человек сравнивался с пастухом, обреченным бессильно наблюдать за агонией своих овец в пасти кровожадного волка.

³ Маркер – карточка или дощечка для записи очков при игре в бридж.

Они выиграли пари, ибо, придя однажды утром к шуту в спальню, нашли его мертвым; он повесился на балке потолка. И ходят слухи, что раскаты смеха герцога Обри до сих пор время от времени раздаются из этой комнаты.

Однако он обладал и более приятными чертами характера. В первую очередь он был изысканным поэтом, и его песни, дошедшие до нас, свежи, как цветы, и пронизаны одиночеством, как плач кукушки. А в деревнях все еще рассказывают истории о его доброте и мягкосердечии: о том, как он появлялся на сельской свадьбе с тележкой, полной вина, пирогов и фруктов, или о том, как стоял у изголовья умирающего, исполненный сочувствия и скорбный, как священник.

Невзирая на это, недовольные торговцы, обуреваемые жадной обогаченности, взбунтовали против него народ. На протяжении трех дней на улицах Луда-Туманного бушевало кровавое побоище, в котором погибло все дворянство Доримара. Что касается герцога Обри – он исчез; говорили, что он нашел приют в Стране Фей, где живет и поныне.

За три дня кровопролития погибли также все священнослужители. Таким образом, Доримар одновременно лишился и герцога, и клира.

Во времена герцогов ко всему волшебному относились с благоговением, а самым торжественным событием церковного календаря был ежегодный приезд таинственных незнакомцев из Страны Фей. Их лица были скрыты капюшонами, а под уздцы они вели белоснежных кобылиц, груженных волшебными фруктами; таким было приношение герцогу и первосвященнику.

Но после революции, когда власть в стране захватили торговцы, на все волшебное наложили запрет.

Не стоит этому удивляться. В первую очередь новые правители считали, что волшебные фрукты послужили главной причиной деградации герцогов. Фрукты и в самом деле вдохновляли на поэзию и фантазии, которые в сочетании с постоянными мыслями о смерти могли нанести непоправимый ущерб здравому смыслу бюргеров. Революционеры никак нельзя было упрекнуть в излишней впечатлительности, поэтому при их правлении из поэзии и искусства напрочь исчезло трагическое восприятие жизни.

Кроме того, по разумению доримарцев, все волшебное представляло собой обман. Легенды и песни утверждали, что в Стране Фей деревни были выстроены из золота и коричневого дерева, а жрецы, возбуждающиеся парами опиума и ладана, каждый час приносили в жертву Солнцу и Луне огромные количества павлинов и золотых быков. Но если бы честный здравомыслящий смертный посмотрел на все это с юмором, то сверкающие замки превратились бы в старые сучковатые деревья, фонари – в светлячков, драгоценные камни – в черепки, а роскошно одетые жрецы с их пышными жертвоприношениями – в дряхлых старух, бормочущих над костром свои заклинания.

А сами феи, как утверждала молва, вечно завидовали надежному счастью смертных и, сделавшись невидимыми, толпой спешили на свадьбы, поминки и ярмарки – всюду, где можно было хорошо поесть, – и высасывали сок из мяса и фруктов. Напрасно – ничто не могло сделать их осязаемыми.

Но воровали они не только еду. В глухих деревнях все еще верили, что мертвецы – это не более чем проделки фей, а их кости и плоть – только видимость, иначе с чего бы им так быстро превращаться в прах? А самого умершего, труп которого был не более чем эфемерной субстанцией, похищали феи, чтобы он ухаживал за их голубыми коровами и обрабатывал поля левкоев. Сельские жители не всегда могли провести четкую грань между феями и мертвецами. И тех и других они звали Молчальниками, а Млечный Путь считали дорогой, по которой феи уносили мертвых в свою страну.

Другая легенда утверждала, что единственным средством общения фей были поэзия и музыка, поэтому в деревнях поэзию и музыку до сих пор называют «языком Молчальников».

Естественно, люди, заставившие Дол приносить им золото, люди, которые рыли каналы, строили мосты, следили за продавцами при взвешивании товара и стандартностью гирь, хотели видеть добродетель и свои удобства незыблемыми и были нетерпимы к самому невинному надувательству. Тем не менее, новые правители прибегли к новой форме обмана, ибо именно они основали в Доримаре такую науку, как юриспруденция, взяв за основу примитивный гражданский кодекс времен герцогов и приспособив его к современным условиям.

Мастер Джошуа Шантиклер (отец мастера Натаниэля), опытный и знающий юрист, в одном из своих трактатов провел неожиданную параллель между Волшебством и Законом. Люди, совершившие революцию, утверждал он, заменили волшебные фрукты Законом. С той лишь разницей, что вкушать фрукты было дозволено только правящему герцогу и жрецам, а Закон в равной степени принадлежал и богатым и бедным. Получалось, что Волшебное – это обман, но Закон – тоже обман, своего рода магия, творящая с реальностью все, что ей заблагорассудится. Но если обман и магия фей были направлены на то, чтобы надуть и грабить человека, то магия Закона предназначалась для того, что бы защищать его интересы и благополучие.

Ни Страны Фей, ни чего-либо Волшебного в глазах Закона не существовало. Но все же, как отмечал мастер Джошуа, Закон вел с реальностью двойную игру, и никто на самом деле ему не верил.

Постепенно все, что было связано с феями и их страной, стало вызывать безотчетный ужас, и общество следовало закону, не желая думать о существовании фей. На само слово «волшебное» был наложен запрет, оно никогда не слетало с языка у людей благовоспитанных, а самым большим оскорблением, какое только мог бросить один доримарец другому, было «Мать твоя – фея».

Но на расписанных потолках старинных домов, на обсыпавшихся фресках церковных руин, в некоторых фрагментах барельефов, встроенных в новые сооружения, и, прежде всего, в проникнутых чувством трагедии памятниках на Полях Греммери некто Винкельманн, археолог, взбрел в голову посетить Доримар, обнаружил бы – как он уже сделал это однажды в римском рококо XVIII века – следы древнего, могучего искусства, стиль которого послужил современным художникам в качестве *poncifs*.⁴ Например, знаменитая реклама какого-то сыра – смешной толстяк угрожает ножом и вилкой огромной головке сыра, висящей в небе вместо Луны, – была не чем иным, как неосознанным юмористическим подражанием какому-то сюжету, обнаруженному на одном из фриз в Доримаре, где Луна преследует беглецов.

Так вот, за несколько лет до начала нашей истории некий Винкельманн, правда, не назвавший себя, действительно появился в Луде-Туманном, но круг его интересов отнюдь не ограничивался пластическими искусствами. Он напечатал книгу, озаглавив ее «Следы фей в традициях, искусстве, растительности и языке Доримара».

Он утверждал следующее: в жилах доримарцев, вне всяких сомнений, течет большая толика волшебной крови, и объяснить это можно только тем, что в старину смешанные браки между доримарцами и феями были не редкость. Например, рыжие волосы, так часто встречающиеся у жителей Доримара, свидетельствуют именно об этом, утверждал он. Еще одно подтверждение своей гипотезе он видел в окраске местного скота. Это заявление было не лишено оснований, ибо время от времени серовато-коричневая или пестрая корова производила на свет теленка голубоватого цвета, навоз которого был из червонного золота. А если верить легенде, в Стране Фей весь скот был голубым, а волшебное золото фей превращалось в навоз, как только его вывозили за пределы страны. Легенды также утверждали, что все цветы в Стране Фей были красными, а ни для кого не секрет, что иногда в Доримаре расцветали васильки, красные, как маки, а лилии алели, словно дамасские розы. Более того, Винкельманн обнаружил некоторое

⁴ *Poncifs* (фр.) – шаблон.

влияние языка фей в клятвах и именах доримарцев. И действительно, приезжий не мог не удивляться, услышав такие выпендренные выражения, как: клянусь Солнцем, Луной и Звездами; клянусь Золотыми Яблоками Запада; Урожаем Душ; Белоснежными Красавицами Полей; Млечным Путем, которые соседствовали с местными выражениями, подобными клятве Горбатым Мостом, Жареным Сыром, Дохлыми Кошками, Копчиком Моей Двоюродной Бабушки; забавляли его так же такие имена, как Сладкосон, Амброзия, Лунолюба в сочетании со смешными фамилиями вроде Дерзкоштаный, Ластоногий или Бродячий Порох.

Изучив сюжеты старинных гобеленов и барельефов, он посчитал их доподлинными изображениями флоры, фауны, а также исторических событий Страны Фей и отверг теорию, объяснявшую наличие диковинных птиц и невиданных цветов необузданной фантазией либо недостатком мастерства старых ремесленников.

Он рассматривал фантастические сцены как художественное отражение обрядов древней религии.

Если археолог был прав, то доримарец, подобно голландцу XVII века, кутившему длинную трубку среди тюльпанов и поедавшему свой обед из тарелок дельфтского фаянса, просто упростил, приспособив по своему вкусу сумрачное искусство далекой опасной страны, населенной, по его мнению, причудливыми и зловещими существами, с их необычными пороками и темными культами... Так вот, в венах доримарца, хотя он и не подозревал об этом, текла кровь тех самых порочных существ.

Легко представить себе, какое негодование вызвало появление этой книги в Луде-Туманном. На издателя, конечно, наложили большой штраф, но он был совершенно не в состоянии пролить хоть какой-нибудь свет относительно авторства книги. «Рукопись, – говорил он, – принес мне рыжеволосый парень, которого я никогда раньше не видел». Все экземпляры книги были сожжены городским палачом, и на этом дело пришлось закрыть.

Невзирая на то, что Закон объявил Страну Фей и все с ней связанное несуществующим, ни для кого не было секретом, что любой желающий мог раздобыть в Луде-Туманном волшебные фрукты. Не нужно было прилагать больших усилий, чтобы обнаружить средства и пути, которыми они контрабандой попадали в город, но потребление волшебных фруктов считалось отвратительным, мерзким пороком, которому предавались в дешевых тавернах самые недостойные и опустившиеся люди. Однако за последние два столетия, прошедшие с тех пор, как исчез герцог Обри Меднокудрий, не раз случалось, что к этим фруктам питали пристрастие юноши из порядочных семейств. Лишь одно подозрение в подобных занятиях означало клеймо отверженного, которое несчастному пришлось бы носить до конца своих дней.

За двадцать лет до начала нашей истории Доримар поразила Великая засуха. Людям пришлось печь хлеб из вики, бобов и корней папоротника; межевые полосы и берега горных озер были обглоданы скотом. Дол, как и остальные реки, уменьшился до размеров обычного ручейка, и лишь воды Пестрой не иссякли; но этому не стоит удивляться, так как река, берущая свое начало в Стране Фей, вероятно, питалась из мистического источника. Засуха продолжала безжалостно сжигать страну, и в разных районах появлялось все больше людей, пристрастившихся к страшному пороку – употреблению волшебных фруктов, что приводило к трагическим последствиям. Хотя фрукты благотворно влияли на пересохшие гортани, производимое ими психологическое воздействие внушало серьезные опасения. Эпидемия, а именно так мы должны назвать это явление, бушевала на окраине страны, и каждый день в Луд-Туманный доходили все новые известия о случаях сумасшествия, самоубийств, оргиастических танцев и дикого буйства под луной. Чем больше люди ели фрукты, тем большую потребность в них испытывали. Дело в том, что фрукты приводили человека в состояние безумной эйфории, и для того, кто хоть раз испытал такой всплеск, жизнь без них становилась невыносимой.

Как фрукты попадали в страну – оставалось тайной, и все попытки магистрата выявить пути их проникновения оставались тщетными. Напрасно пустили в ход официальную версию

(как мы знаем, Закон не признавал ничего Волшебного), что это вовсе не волшебные фрукты, а узорчатый шелк; напрасно выступали в сенате против контрабандистов и всех людей с развращенным разумом и пагубным пристрастием; неприметно и неуклонно новые партии волшебных фруктов продолжали поступать в страну. Но с первым дождем и с концом засухи спрос начал падать. Однако о неспособности магистрата справиться с национальным кризисом не забыли, и в Доримаре появилась поговорка: «Беспольный, как магистрат в Великую засуху».

Само собой разумеется, что правящий класс Доримара был не в состоянии заниматься серьезными делами. Богатые торговцы Луда-Туманного, потомки революционеров и наследные правители Доримара к этому времени превратились в ленивых, снисходительных к своим слабостям сибаритов. Их сердца так же мало трогало трагическое, как и сердца их предков. Богатство перестало быть экзотическим цветком. Оно ассимилировалось в Доримаре и превратилось в неприхотливое многолетнее растение, послушно расцветающее из года в год, не требуя никаких забот от садовника.

Так появилась трещина в каменной кладке трудов и дней, из которой проросли мириады крохотных изысканных цветов: хорошая кухня, мода на платья, иногда просто фантастическая в своей изобретательности, как, например, барочный лиф, а также фарфоровые пастушки, дешевый юмор, бесконечные шутки, одним словом, материальные и духовные игрушки цивилизации. Но они были абсолютно не похожи на игрушки прошлых поколений, от которых ломился чердак Шантиклеров. В тех было что-то трагическое и зловещее, тогда как проявления современной культуры были похожи на свет от огня в камине – фантастический, но домашний.

Таковы были люди, в чьих руках находилось благоденствие страны. Следует признать, что они очень мало знали о жизни простых людей, а еще меньше ими интересовались, хотя и издавали для них законы.

Например, они не подозревали, что в стране все еще живет память о герцоге Обри. И дело было не только в том, что внебрачных детей называли «отродье герцога Обри», что старухи, увидев падающую звезду, говорили: «Герцог Обри подстрелил коосулю» и что в годовщину его изгнания из страны девушки бросали в Пеструю на счастье венки, сплетенные из двух растений – плюща и морского лука, – украшавших герб герцога. Для обитателей страны герцог Обри был настолько живой реальностью, что при обнаружении поутру течи в бочонке или взмыленного коня, некоторым плутоватым работникам фермы часто удавалось избежать наказания, убедив хозяина, что виновник – герцог Обри. Не было фермы или деревни, где бы не нашелся хоть один человек, клятвенно уверявший, что видел Меднокудрого герцога летом, в канун Иванова дня, или в ночь зимнего солнцестояния, несущегося галопом во главе волшебной кавалькады охотников с развевающимися под звон бесчисленных колокольчиков разноцветными лентами. Но о Стране Фей и ее обитателях сельские жители знали не больше, чем купцы Луда-Туманного. Страны разделялись Горами Раздора, а их предгорья под названием Эльфские Пределы, по утверждению молвы, были чреватые всевозможными опасностями, как физическими, так и моральными. Никто на людской памяти не переходил Гор Раздора, и считалось, что это равносильно смерти.

Глава 3

Начало беды

Светская жизнь в Луде-Туманном начиналась весной и длилась до осени. Зимой горожане предпочитали не покидать своих домов. У них было безотчетное нежелание выходить на улицу с наступлением ночи, объяснявшееся скорее привычкой, чем страхом. Хотя, возможно, эта привычка возникла из-за какой-то забытой опасности, давным-давно научившей их предков остерегаться темноты.

Поэтому приход весны жители города всегда встречали с облегчением и радостью, едва ли отдавая себе отчет в том, что это реальность, а не просто оптический обман. Конечно, газон был зеленым, а лиственницы и кустарник – просто пугающе зелеными, и миндаль – в розовых соцветиях, но поля и деревья в туманной дали за пределами их усадеб все еще были серыми и черными. Да, эти цвета в их садах, должно быть, появились только благодаря игре света, падавшего именно так по прихоти какого-то щедрого случая, но когда свет изменится, цвета исчезнут.

Повсюду незаметно, но неотвратимо, деревья меняли зимнюю листву, состоящую из белого неба и аметистово-серых сумерек, на зеленую и золотистую.

Все люди, как и мы с вами, очень внимательно следят за деревьями весной, с восторгом наблюдают, как черное кружево из тонких ветвей шершавого вяза покрывается крохотными красновато-коричневыми цветочками, словно жучками, запутавшимися в паутине; как малюсенькие лимонно-желтые бутончики покрывают ветви кустарников. Что же касается длинных червонно-золотых почек каштанов, то они взрываются прямо на глазах. А вот и у березы появились крохотные листочки совершенной формы, и у всех прочих деревьев, у каждого – в свою очередь.

Сначала мы восторгаемся разнообразием цветов и форм, замечаем, что у березы листочки похожи на рой зеленых пчел, а у липы – просто невероятно яркие, и тень от верхних листьев черными пятнами ложится на нижние, что листья вяза чертят на небе чудеснейший узор и растут очень медленно.

Постепенно мы перестаем различать их особенности, и до осени они сливаются в плотный занавес, на фоне которого выделяется что-то более яркое и броское. Нет ничего незаметней, чем дерево с распутившейся кроной.

Первые серьезные заботы обрушились на мастера Натаниэля Шантиклера в его пятидесятую весну. Они касались его единственного сына Ранульфа, мальчика двенадцати лет.

В тот год мастера Натаниэля избрали на самую высокую должность в стране – он стал мэром Луда-Туманного и Верховным Сенешалем Доримара.

Ех officio он был президентом сената и главным судьей. Согласно конституции, сочиненной революционерами, он отвечал за безопасность и оборону страны в случае нападения на нее с моря или суши; он должен был следить за тем, чтобы с правосудием и доходами страны обращались должным образом; а все остальное его время, как считалось, находилось в распоряжении самых незаметных граждан, обращавшихся к нему с жалобами.

В действительности же, помимо председательствования в суде, его работа сводилась к совсем необременительному исполнению обязанностей способного и достойного председателя клуба избранных, ибо к тому времени сенат фактически превратился именно в такой клуб. Несмотря на то, что вопрос о реальной пользе официальных обязанностей мастера Натаниэля был отнюдь не праздным, дел у него было невпроворот. Они занимали *все* его время, и поэтому он не замечал подводных течений, подмывающих основание его дома.

Ранульф всегда был мечтательным, довольно хрупким ребенком с запоздалым развитием. Лет до семи он очень раздражал свою маму привычкой, играя в саду, выкрикивать разные замечания воображаемому товарищу. Он обожал болтать чепуху (в понимании Луда-Туманного – довольно неприличную чепуху) о золотых кубках, белоснежных дамах, доивших лазурных коров, и звоне уздечки в полночь. Но дети всего мира капризничают и упрямятся, и подобного рода разговоры были совсем нередки среди детей Луда-Туманного, а так как они почти всегда вырастают на такой чепухе, то ей и не придавали особого значения.

Однажды, когда мальчик стал постарше, его так потрясла внезапная смерть молодой посудомойки, что он два дня не притрагивался к пище. Время от времени вздрагивая, с испуганными глазами, как только что пойманная птица, он несколько дней не покидал постели. Когда встревоженная мать (отец в то время уехал в морской порт по делам), пытаясь утешить Ранульфа, напоминала, что он никогда особенно не обращал внимания на эту посудомойку, пока та была жива, он с раздражением отвечал:

– Да нет же, дело не в ней... дело в том, что случилось с ней!

Но все это происходило еще тогда, когда он был совсем маленьким. С возрастом он становился более сдержанным.

В ту весну учитель пришёл к госпоже Златораде, чтобы пожаловаться на невнимательность мальчика на уроках и внезапные беспричинные вспышки ярости.

– По правде говоря, сударыня, мне кажется, малыш нездоров, – сказал учитель.

Госпожа Златорада тут же послала за семейным врачом, который заверил ее, что ничего серьезного нет, такое часто случается весной, и прописал побегу огуречника аптечного в виде «лучшего стимулирующего средства для ленивых школяров». Подмигнув и ущипнув Ранульфа за ухо, он добавил, что в июне для завершения лечения мальчику следует попринимать отвар из лепестков дамасских роз.

Однако побегу огуречника аптечного в вине не сделали Ранульфа сколько-нибудь внимательнее на уроках, а госпожа Златорада уже и без намеков наставника поняла, что ее мальчик не в себе. Больше всего ее волновало то, что ему явно приходилось совершать над собой невероятное усилие, чтобы хоть как-то отреагировать на окружающий мир. Например, когда за обедом она предлагала ему добавку, он сжимал кулаки и на лбу у него выступали капли пота – так велико было усилие, которое он делал, чтобы ответить «да» или «нет».

Между Ранульфом и матерью никогда не существовало особой любви (ее любимицей была дочь Черносливка), и она знала, что даже спроси она о его состоянии, он не ответит. Поэтому она решила обратиться не к Ранульфу, а к давнему другу и доверенному лицу, старой кормилице мастера Натаниэля Полли Коноплин.

Конопелька, как они ее прозвали, служила в семействе Шантиклеров почти пятьдесят лет, фактически с того дня, когда родился мастер Натаниэль. Теперь ее называли экономкой, хотя обязанности ее были наипростейшие и сводились главным образом к хранению ключей от кладовой и починке белья.

Это была еще крепкая старая деревенская женщина, обладающая удивительным даром ладить с детьми. Она не только знала все смешные истории Доримара (больше всего Ранульфу нравилась история про очки, которые мечтали поехать верхом на носу лунянина и в тщетной попытке достичь цели постоянно прыгивали с носа несчастного владельца), но также была незаменимым товарищем по играм и, не покидая кресла, руководила с неослабевающим, как казалось, интересом маневрами оловянных солдатиков и действиями марионеток. Ранульфу чудилось, что ее уютная комната под самой крышей обладает удивительной способностью превращать любой предмет в игрушку. Страусиное яйцо, подвешенное к потолку на лиловом шнурке, маленькие разукрашенные восковые изображения бабушки и дедушки на каминной полке, старая прялка, даже пустые катушки, из которых получались отличные деревянные солдатики, и горшочки с вареньем, выстроившиеся рядами в ожидании наклеек с названиями сор-

тов, – все они словно предлагали поиграть с ними; и огонь у Конопельки в камине потрескивал с большей радостью, чем где бы то ни было еще, и тем чудесней и пленительней оказывались образы, возникавшие в его алом пылающем сердце.

Так вот, очень робко (так как Конопелька была остра на язык и до сих пор смотрела на свою хозяйку, как на юную глупую девушку, вмешивающуюся в чужие дела) госпожа Златорада сказала ей о том, что ее немного волнует Ранульф. Конопелька бросила на нее колючий взгляд поверх очков и, поджав губы, сухо ответила:

– Много же времени вам понадобилось, чтобы заметить это.

Но когда госпожа Златорада попыталась выяснить, что же, по ее мнению, с ним случилось, старуха только таинственно покачала головой и пробормотала, что слезами горю не поможешь, и добавила: «Меньше говорить – меньше согрешить».

Когда совершенно обескураженная госпожа Златорада уже собралась уходить, старуха вдруг пронзительно закричала:

– И запомните, сударыня, ни слова об этом хозяину! Он из тех людей, которые терпеть не могут волноваться. В этом он похож на своего отца. Моя хозяйка часто говорила мне: «Мы не скажем об этом хозяину, Полли. Он терпеть не может волноваться. Да, все Шантиклеры очень чувствительны». – И неожиданно, в противовес своему утверждению, добавила: – С другой стороны, все Виджилы толстокожие, как буйволы.

Но госпожа Златорада, урожденная Виджил, и не намеревалась говорить об этом мастеру Натаниэлю. Было ли это из-за крайней чувствительности Шантиклеров или по какой другой причине, но она сама много раз убеждалась, что малейшее беспокойство вызывало у него сильное раздражение.

Пока он ничего не замечал за сыном, это очевидно. Большую часть дня он проводил в сенате и своей конторе, кроме того, его интерес к жизни окружающих не распространялся на членов семьи.

Что касается его чувств к Ранульфу, то следует признать, что он смотрел на него скорее как на фамильную вещь, чем как на сына. Дело в том, что бессознательно он относил его к той же категории вещей, что и хрустальный кубок, которым отец герцога Обри благословил первый корабль Шантиклеров, или меч, с помощью которого его предок внес свою лепту в свержение герцога Обри с престола, – предметы, на которые он редко смотрел или о них думал, но, потеряв, сошел бы с ума от ярости и горя.

Но вот однажды вечером в начале апреля сын неожиданно привлек внимание отца самым странным образом.

К тому времени во всем мире уже наступила весна, и жители Луда-Туманного стали готовиться к лету: в кладовой начищали до блеска медную посуду для варки варенья, убирали и выметали беседки в саду, подвергали тщательному осмотру рыболовные снасти. Воспользовавшись тем, что дни стали длиннее, приглашали друзей на ужин.

Во всем Доримаре никто так не любил гостей, как мастер Натаниэль. Они приносили ему временное облегчение. Казалось, его жизнь внезапно начинала звучать в другой, более веселой тональности. Хотя на самом деле ничего не менялось: те же стулья стояли на тех же местах, на них сидели люди, с которыми он встречался каждый день. Оставалась даже привычная легкая ноющая зубная боль, однако острота другой его боли таяла в этой суете. Поэтому он с большой радостью рассылал приглашения всем своим приятелям, зазывая их «на встречу с Лунотравным сыром», и делал он это в апреле каждого года вот уже двадцать пять лет.

Лунотравье – это деревня, известная во всем Доримаре своими сырами, и совершенно заслуженно. Они радовали глаз уже одним своим видом, так как были похожи на паросский мрамор с прожилками нефрита и имели аромат, свойственный всем хорошим сырам, – аромат лугов, к букету которого примешивался специфический запах парного молока и хлеба.

В семь часов гостиная Шантиклеров уже наполнялась толпой солидных, полных, розовощеких, нарядно одетых гостей, которые болтали и смеялись, словно попугаи. Только Ранульф был молчалив, но для двенадцатилетнего мальчика в присутствии взрослых это было вполне естественно. И все же ему не следовало забиваться в угол и так угрюмо отвечать на шуточные замечания гостей.

Мастер Натаниэль, разумеется, имел отличный погреб, и вечер начался с дегустации превосходного чабрецового джина, которым хозяин очень гордился. Он был также совладельцем общего погреба, коллективной собственности привилегированного класса – погреба со старыми сочными шутками, которые, в отличие от вина, никогда не иссякают. Все, что было забавного и милого в каждом госте, перегонялось в одну из этих шуток. В этих старых шутках раздражение, неизбежное при близком контакте, возгонялось и превращалось в сладость, подобно тому, как это происходило с виноградным соком, превращавшимся в искристое вино, и конденсировалось в чувство дружбы и сердечности.

Ведь любой юмор – это разновидность тотема, служащего одновременно для объединения и разграничения. Его приверженцы объединяются в сплоченное братство, но резко выделяются из всего остального мира. Возможно, главной причиной отсутствия особой любви между правителями и поданными Доримара было именно то, что в понимании смешного они принадлежали к разным группам.

Однако все присутствующие на этом вечере принадлежали к одному тотему, и каждый был героем одной из старых шуток. У мастера Натаниэля спрашивали, были ли его лиловые бархатные штаны исчерна-лиловыми. Дело в том, что много лет назад он забыл надеть траур по своему тестю, и деликатный намек госпожи Златорады на его промах вызвал сердитый ответ:

– А я в трауре!

Когда же она, от удивления подняв брови, посмотрела на его купленные накануне канареечно-желтые чулки, он, смущаясь, добавил:

– Видишь ли, они исчерна-канареечные.

Немногие вина могут похвастаться таким букетом, как эта шутка мастера Натаниэля. В ней была и его рассеянность, и его способность видеть вещи такими, какими ему хотелось их видеть (он искренне верил в то, что был в трауре) и, наконец, в этом «исчерна-канареечном» цвете сказывалась его способность, возможно унаследованная от предков, верить в то, что человек может играть с реальностью и придавать ей любую придуманную им форму.

У мастера Амброзия Жимолости спросили, считает ли он сыры Лунотравья сырами. Дело в том, что у мастера Амброзия было гипертрофированное чувство превосходства над всеми, и однажды, когда в суде встал вопрос, считать ли драконов птицами или рептилиями (несколько безобидных выродившихся дракончиков все еще пряталось в пещерах отдаленных районов Доримара), он сказал с видом, не терпящим возражений:

– Род Жимолостей всегда считал их рептилиями.

А его жену, госпожу Жасмин, спросили, хочет ли она, чтобы ужин ей подали «на бумаге», потому что она имела привычку ловить своего мужа на слове, услышав от него какое-нибудь необдуманное обещание, например, купить новое ландо. В таких случаях она говорила:

– Я хочу видеть твоё обещание на бумаге, Амброзий.

Здесь также были брат госпожи Златорады, мастер Полидор Виджил с женой, госпожой Сладкосон, и старый Мэт Пайпаудер со своей нелепой болтливой супругой, и Сапсан Лакерс, и Гозелина Флэкс, и чета Гиацинтов Храброштаных – фактически все сливки общества Луда-Туманного, и для каждого или каждой находилась своя особая шутка. Старые шутки ходили по кругу, словно бутылка портвейна, и с каждым кругом компания становилась все веселей.

Археолог Винкельманн мог бы обнаружить еще одно подтверждение своей теории в кулинарных названиях Доримара, ибо меню, которое госпожа Златорада приготовила для своих гостей, звучало, как венок сонетов. Первое блюдо называлось «Горько-сладкая тайна» – это

был суп из трав, приготовлением которого славились хозяйки Луда-Туманного. За ним следовала «Лотерея сновидений», состоявшая из таких деликатесов, как перепела, утки, печень цыпленка, яйца ржанки, сердце павлина, и все это скрывалось под горой риса. Далее следовала «Разбитая истинная любовь» – голуби, приготовленные по особому рецепту, и наконец «Фиалки смерти» – жестокое испытание для желудка – пудинг, украшенный засахаренными фиалками.

– А теперь, – радостно закричал мастер Натаниэль, – пришла очередь нашего старого друга! Наполним бокалы и выпьем за короля сыров Лунотравья!

– За короля сыров Лунотравья! – эхом отозвались гости, топая ногами и стуча кулаками по столу. Но когда мастер Натаниэль, схватив нож, собрался было вонзить его в великолепный сыр, к нему внезапно бросился Ранульф и со слезами на глазах, дрожащим от ужаса голосом стал умолять не резать его. Гости, приняв это за шутку, одобрительно заулыбались, а мастер Натаниэль, в течение нескольких секунд с удивлением глядевший на сына, раздраженно спросил:

– Что такое случилось с мальчишкой? Руки прочь, Ранульф, говорю тебе! Ты что, с ума сошел?

Но глаза Ранульфа уже сверкали от ярости, и, повиснув на руке отца, он пронзительно завизжал:

– Нет! Ты не сделаешь этого! Не сделаешь! Не сделаешь! Я не позволю тебе сделать это!

– Молодец, Ранульф! – засмеялся кто-то из гостей – Ты достойный сын своего отца!

– Клянусь Млечным Путем! Златорада! – взревел мастер Натаниэль, начиная выходить из себя. – Что случилось с этим мальчишкой, я спрашиваю?

Госпожа Златорада была явно взволнована.

– Ранульф! Ранульф! – закричала она. – Сядь на место и не зли отца!

– Нет! Нет! Нет! – еще пронзительнее визжал Ранульф. – Он не убьет Луну... Он не убьет ее, говорю вам. Если он сделает это, все цветы в Стране Фей завянут!..

Как мне описать впечатление, произведенное его словами на собравшихся? Вообразите ваши собственные чувства, когда сынишка человека, у которого вы находитесь в гостях, при всей честной компании внезапно раздражается потоком грязной брани, – а слова Ранульфа не только шокировали хороший вкус, они также будили какой-то суеверный ужас, вызванный категоричностью запрета.

Все дамы вспыхнули, лица мужчин приняли суровое выражение, а мастер Натаниэль, ставший пунцовым, заорал громоподобным голосом:

– Отправляйся в постель сию же минуту, а я приду и разберусь с тобой позже!

И Ранульф, внезапно потерявший всякий интерес к судьбе сыра, послушно вышел из комнаты.

В тот вечер больше никто не шутил, почти на всех тарелках сыр остался нетронутым и, несмотря на старания некоторых гостей, все раз говоры сразу обрывались, так что вечер закончился раньше девяти.

Оставшись наедине с госпожой Златорадой, мастер Натаниэль сурово потребовал объяснений по поводу поведения Ранульфа. Но она, устало пожав плечами, сказала, что мальчик, должно быть, сошел с ума, и поведала ему, что вот уже несколько недель она замечает, что тот не в себе.

– Почему же мне не сказали об этом? Почему мне ничего не сказали? – бушевал мастер Натаниэль.

И снова госпожа Златорада пожалала плечами, но при взгляде на мужа в ее глазах под тяжелыми веками засветилось легкое насмешливое презрение. Глаза госпожи Златорады вы назвали бы мечтательными и томными, если бы не саркастическое выражение лица, как у старого судьи, и капризные складочки в уголках губ, из-за которых ее глаза казались насмешли-

выми, особенно когда она смотрела на мастера Натаниэля. По-своему она была от него без ума. Но в ее отношении к нему просматривалась снисходительность хозяйки к дрессированному, но своенравному псу.

Сжав кулаки, мастер Натаниэль принялся мерить шагами комнату, бормоча проклятия по поводу легкомысленных жен и жалуясь на тяжелую участь главы семьи. Обычно, испытывая необходимость найти жертву, удобную для выплескивания желчи, он злился на госпожу Златораду за то, что она вышла за него замуж, чем и вовлекла его во всю эту суету и заботы. Его туманные страхи были в этот момент как никогда сильными.

В эту минуту госпоже Златораде показалось, что он похож на майского жука, который только что влетел в комнату через открытое окно и с тихим глухим звуком бился о свою собственную тень на потолке, похожую на большого черного бархатистого мотылька. Именно его неуклюжесть и неловкая жужжащая беспомощность напоминали ей мастера Натаниэля, а совсем не тот факт, что он бьется о собственную тень.

Взад и вперед ходил мастер Натаниэль, вправо и влево бился майский жук, туда и сюда носилась его мягкая изящная тень. Вдруг майский жук упал на пол, словно мертвый, и в ту же минуту мастер Натаниэль, бросив через плечо: «Я должен поговорить с мальчишкой», – ринулся вон из комнаты.

Он застал Ранульфа безудержно рыдавшим в постели и, посмотрев на его жалкую хрупкую фигурку, почувствовал, что весь гнев улетучился. Он положил руку мальчику на лоб и не без теплоты сказал:

– Ну-ну, сынок, слезами горю не поможешь, завтра ты напишешь извинение кузену Амброзию, дядюшке Полидору и всем остальным гостям, и тогда... Ну что же, мы постараемся забыть об этом. Все мы не совсем отвечаем за то, что говорим, когда не в себе... А я узнал от матери, что ты не совсем хорошо себя чувствовал последние недели.

– Что-то заставило меня сказать это! – рыдал Ранульф.

– Конечно, так можно объяснить все, что угодно, – сказал мастер Натаниэль более сурово. – Нет, нет, Ранульф, такому поведению не может быть никаких оправданий, абсолютно никаких. Клянусь Урожаем Душ! – В его голосе появилось возмущение. – Где ты набрался таких мыслей и таких выражений?

– Но это правда! Это правда! – кричал Ранульф.

– Я не собираюсь выяснять, правда это или нет. Я знаю только, что о подобных вещах не говорят в присутствии порядочных дам и господ. Никогда подобные выражения не произносились под крышей моего дома, и, я надеюсь, никогда больше их не услышу... Понятно?

Ранульф застонал, а мастер Натаниэль добавил уже помягче:

– Ну что ж, больше ни слова об этом. А теперь объясни мне, о чем это говорит твоя мама? Ты что, нездоров, а?

Но Ранульф зарыдал еще громче.

– Я хочу уехать от всего этого! Уехать! – стонал он.

– Уехать? От чего «всего этого»? – В тоне мастера Натаниэля чувствовалось раздражение.

– От... от того, что случается! – рыдал Ранульф.

Сердце мастера Натаниэля бешено забилося, но он изо всех сил старался держать себя в руках.

– Того, что случается? – попытался он повторить шутливо – Да разве в Луде случается что-нибудь?

– Все случается, – стонал Ранульф, – лето и зима, дни и ночи. Все случается!

Внезапно мастер Натаниэль увидел Луд и его окрестности, молчаливые и неподвижные, такими, какими они выглядят с Полей Греммери.

Возможно ли, чтобы Ранульф чувствовал то же, что и он сам? Он думал, что только он один способен на подобное. В этот момент мастер Натаниэль испытал удивление, восторг, нежность и одновременно тревогу.

Ранульф перестал плакать и теперь лежал неподвижно.

– Кажется, что я весь нахожусь в голове, и она болит. Так все собирается в большом зубе, – сказал мальчик устало.

Мастер Натаниэль посмотрел на него внимательнее. Сосредоточенный взгляд, слегка приоткрытые губы, напряженная неподвижная поза – все это указывало на подлинную боль, несовместимую с притворством. Как хорошо он знал состояние ума, выразившееся в подобных проявлениях!

Теперь ему не нужно было требовать от сына никаких объяснений. Он очень хорошо знал и это ощущение пустоты, и то, как обостряются все чувства, когда физический мир полностью исчезает, а ты сам внезапно раздуваешься, что бы заполнить собой образовавшуюся пустоту, и одновременно с этим все твое существо сосредоточивается в одной миллионной частице своего бывшего объема, превращаясь в сплошную боль; знал он и другую фазу, когда бежишь от дней и месяцев, как олень от преследующих его охотников, как беглецы от Луны на старинном гобелене.

Но если так страдаешь не ты, а кто-то другой, то, невзирая на испытываемую к нему жалость, в твоих глазах все это выглядит тривиально. Ведь ты уверен, что способен унять чужую боль уговором и убеждениями!

Положив руку на плечо Ранульфа, он сказал:

– Брось, сынок, так не годится! – И, подмигнув, добавил: – Гони этих черных грачей с пшеничного поля.

Ранульф, резко засмеявшись, вскричал:

– Там нет черных грачей; все птицы – золотые!

Мастер Натаниэль нахмурился: он терпеть не мог *такого* рода вещей. Но он решил это проигнорировать и продолжать разговор в том на правлении, которое действительно вызывало у него сочувствие.

– Брось, сынок, – продолжал он с мягкой иронией в голосе, – скажи себе, что завтра все пройдет. Ты же не думаешь, что ты один такой, ведь правда? Временами мы все переживаем подобное, но не позволяем этому одержать верх над собой, не позволяем себе хандрить и тосковать и не вешаем нос. Мы приклеиваем на лицо улыбку и идем по своим делам.

Эти слова переполнили мастера Натаниэля самодовольством. Раньше он никогда не задумывался над этим, но, оказывается, как благородно и молча страдал он все эти годы!

Ранульф сел на постели и смотрел на него с какой-то странной улыбкой.

– Со мной совсем не то, что с тобой, отец, – сказал он спокойно. Но вдруг разрыдался еще горше и рвущим душу голосом крикнул: – Я отведал волшебных фруктов!

При этих словах у мастера Натаниэля от ужаса комната поплыла перед глазами, и он окончательно потерял голову. Громко призывая госпожу Златораду, он бросился на лестницу.

– Златорада! Златорада! *Златорада!*

С испуганным криком госпожа Златорада заспешила вверх по лестнице:

– Что случилось, Нат? О, дорогой! Что случилось?

– Поторапливайся, клянусь Урожаем Душ! Поторапливайся! Мальчишка говорит, что ел... ну, то, что мы не называем. Проклятье! Я с ума сойду!

Госпожа Златорада заметалась вокруг Ранульфа, как квочка. Однако в ее голосе совсем не было прежней нежности, когда она закричала:

– Ах, Ранульф! Негодный мальчишка! О Господи, это же чудовищно! Нат! Нат! Что же нам делать?

Ранульф отпрянул от нее и бросил умоляющий взгляд на отца. Мастер Натаниэль решительно взял жену за плечи и, вытолкнув из комнаты, воскликнул:

– Если это все, что ты можешь сказать, лучше предоставь мальчишку мне!

Спускаясь по лестнице, госпожа Златорада была преисполнена ужаса и высокомерия; с болью в сердце, каждой своей клеточкой ощущая себя урожденной Виджил, она сердито бормотала себе под нос:

– Ох уж эти Шантиклеры!..

Итак, Шантиклеров постиг самый большой позор, какой только мог выпасть на долю порядочного семейства в Доримаре. Но мастер Натаниэль больше не сердился на Ранульфа. Что толку сердиться? Кроме того, еще и эта неожиданная нежность, переполнявшая его сердце, – у него не было сил противиться ей.

Постепенно он вытянул из мальчика всю историю. Оказалось, что несколько месяцев назад один скверный парень по имени Вилли Висп, некоторое время работавший на конюшне у мастера Натаниэля, дал Ранульфу ломтик какого-то незнакомого фрукта. Когда Ранульф съел его, Вилли Висп, разразившись издевательским смехом, выкрикнул:

– Ах, хозяин, то, что вы сейчас съели, было волшебным фруктом, и вы уже никогда не будете те таким, как раньше... Хо-хо-хох!

От этих слов Ранульфа охватил ужас и стыд!

– Но теперь я уже забыл о чувстве стыда, – сказал он отцу. – Единственное, что имеет для меня сейчас значение, – это уехать отсюда... туда, где тень и покой... и где я смогу раздобыть... еще фруктов.

Мастер Натаниэль тяжело вздохнул, но ничего не сказал, а только поглаживал маленькую горячую руку, которую держал в своей.

– Однажды, – продолжал сидевший в постели Ранульф, чьи щеки пылали, а глаза горели лихорадочным блеском, – среди бела дня я видел, как они танцевали в саду, я имею в виду Молчальников. Их предводитель, человек в зеленых одеждах, крикнул мне: «Эй, юный Шантиклер! Однажды я пришло за тобой своего дудочника, и ты последуешь за ним!» Я часто вижу их тени у нас в саду, но их тени не похожи на наши, они как яркий свет, играющий на лужайке. И я уйду, уйду, уйду. Я уйду когда-нибудь, я знаю! – И в голосе его звучал не только испуг, но и торжество.

– Успокойся, сынок! – сказал мастер Натаниэль примирительно. – Я думаю, мы не позволим тебе уйти.

Но сердце его налилось свинцом.

– И с тех пор... с тех пор, как я попробовал волшебные фрукты, – продолжал Ранульф, – все пугает меня... наверное, не только с тех пор, потому что мне было страшно и раньше, но сейчас это намного хуже. Как с этим сыром сегодня вечером... Все, что угодно, может внезапно оказаться странным и ужасным. Но с той поры, как я попробовал фруктов, мне иногда кажется, что я понимаю, почему все это так ужасно. Вот как сегодня с этим сыром: я так испугался, что просто не мог больше выдержать ни минуты.

Мастер Натаниэль застонал. Он тоже испытывал страх из-за вполне обычных вещей.

– Отец, – сказал вдруг Ранульф. – Что ты слышишь в крике петуха?

Мастер Натаниэль вздрогнул. У него было такое ощущение, словно с ним заговорила его собственная душа.

– Что я в нем слышу?

Он замешкался. Никогда и ни с кем он не говорил о том, что происходило в его душе.

Он заговорил, и из-за огромного душевного усилия голос его слегка дрожал.

– Я слышу в нем, Ранульф, я слышу... что прошлого не вернуть, но мы должны помнить, что прошлое соткано из настоящего, а настоящее – оно всегда рядом. И еще: мертвые жаждут вернуться обратно на Землю, и...

– Нет! Нет! – раздраженно закричал Ранульф. – Я слышу в нем совсем другое. Он говорит мне, что я должен убежать... убежать от реальности... этой пронзительной реальности. Вот что он говорит мне!

– Нет, сынок, нет, – твердо сказал мастер Натаниэль. – Он совсем не говорит этого. Ты неправильно его понял.

И снова мальчик зарыдал.

– Ах, отец! – всхлипывал он. – Они преследуют меня все эти дни и ночи! Обними меня! Ну обними же меня!

С какой-то страстной нежностью (он никогда не подозревал, что способен на это чувство) мастер Натаниэль лег рядом и обнял хрупкое дрожащее тельце, бормоча слова любви и утешения.

Постепенно Ранульф перестал плакать и не заметно погрузился в сон.

Глава 4

Эндимион Хитровэн назначает Ранульффу лечение

На следующее утро мастер Натаниэль проснулся с более легким сердцем, чем того требовали обстоятельства. К нему пришел позор, и не было сомнений, что рассудок и сама жизнь сына находятся в опасности. Но к этому беспокойству примешивалось приятное чувство обретения новой собственности – внезапно вспыхнувшая любовь к сыну, вызвавшая в нем такую же гордость и удовольствие, как когда-то в детстве покупка нового пони. Сюда примешивалось ощущение зыбкости реальности и пластичности фактов, похожих на ядовитые растения, которые можно срывать исключительно по собственному усмотрению. Но даже сорвав, их можно тут же выбросить за ненадобностью.

Ему бы хотелось излить свой гнев на Вилли Виспа. Но прошлой зимой Вилли исчез при загадочных обстоятельствах. И хотя он не получил жалованье за целый месяц, его никто больше не видел.

Однако чувство ответственности, которое родилось вместе с любовью к Ранульффу, заставило его действовать, и он решил пригласить Эндимиона Хитровэна.

Эндимион Хитровэн появился в Луде-Туманном неизвестно откуда тридцать лет назад.

Он был врачом и вскоре приобрел самую большую практику в городе в среде торговцев и беднейшей части населения, так как все семейства из высшего общества отличались консерватизмом и всегда относились к иностранцам с некоторой подозрительностью. Они также считали, что Эндимион Хитровэн пренебрегает общественными условностями, а его чувство юмора часто приводило их в смущение. Например, он мог испугать избранное общество вроде бы нечаянно вырвавшимся восклицанием:

– Жизнь и смерть! Жизнь и смерть! Вот краски, которыми я работаю. Запачканы ли ими мои руки? – И с сухим смешком принимался внимательно их рассматривать.

Однако его искусство врача и глубокие знания были столь бесспорны, что заставляли обращаться к нему в особенно серьезных случаях даже людей, его недолюбливавших.

Среди небогатых клиентов он пользовался безграничным уважением, так как всегда был готов назначать плату, исходя из возможностей их кошелька, а тем, у кого кошелек был пуст, оказывал услуги бесплатно. Он испытывал истинное удовольствие от самого искусства врачевания. Об Эндимионе Хитровэне рассказывали, что однажды ночью его вытащили из постели и отвезли на какую-то ферму в нескольких милях от города, где обнаружилось, что пациент – всего лишь черный поросенок, единственное выжившее существо из всего многочисленного помета. Он воспринял это без тени обиды и после отчаянной борьбы за жизнь детеныша утром смог сказать, что тот вне опасности. Возвратясь в Луд-Туманный и став объектом насмешек за то, что потратил столько времени на такой недостойный объект, врач ответил, что и свинья, и мэр являются рабами одного и того же хозяина и для лечения первой искусства надо не меньше, чем для лечения другого. Затем он добавил, что хороший скрипач играет ради самой музыки и ему все равно, где играть – на деревенской свадьбе или на купеческих похоронах.

Интересы Эндимиона Хитровэна не ограничивались медициной. Родившись не в Доримаре, он, тем не менее, знал почти все о традициях приютившей его страны. Несколько лет назад его попросили написать официальную историю Палаты Гильдий – дворца герцогов до революции, самого знаменитого здания в Луде-Туманном. Этому делу он какое-то время посвящал немногие часы своего досуга.

У сенаторов не было критика более сурового, чем Эндимион Хитровэн. Он был автором большинства шуток по их адресу, ходивших в Луде-Туманном. Но к мастеру Натаниэлю Шан-

тиклеру он, кажется, испытывал личную антипатию и в тех редких случаях, когда они встречались, вел себя почти грубо.

Возможно, его антипатия объяснялась тем, что Ранульф, будучи еще совсем маленьким мальчиком, вывел его из себя. Указывая на него своим пухленьким пальчиком, он произнес:

Когда Шантиклер закричит,
Эндимион Хитровэн убежит.

Когда мать стала ругать сынишку за грубость, он сказал, что этому стишку его научил смешной старичок, которого он видел как-то во сне. Эндимион Хитровэн смертельно побледнел – от ярости, как полагала госпожа Златорада. С тех пор на протяжении нескольких лет он не мог простить Ранульфу его детской выходки.

Но это было много лет назад, и, вероятно, его обида сгладилась.

Мысль о том, что придется рассказать этому выскочке о позоре, случившемся с Шантиклерами, доставляла мастеру Натаниэлю большое страдание. Но если кто-то и мог вылечить Ранульфа, то только Эндимион Хитровэн, поэтому мастер Натаниэль спрятал свою гордыню в карман и попросил врача прийти.

В ожидании доктора мастер Натаниэль мерил шагами курительную (так назывались его личные апартаменты), со всей отчетливостью осознавая весь ужас происшедшего. Ранульф совершил неслыханное преступление – он отведал волшебный фрукт. Если об этом когда-нибудь узнают – а такие вещи рано или поздно становятся известными, – то для общества он погиб навсегда. В любом случае это будет годами сказываться на его здоровье. В воспаленном мозгу мастера Натаниэля билась только одна мысль: Шантиклер отведал волшебный фрукт, малыш Ранульф в опасности.

Слуга объявил о приходе Эндимиона Хитровэна.

В комнату вошел кругленький человек невысокого роста лет шестидесяти, курносый, веснушчатый, с разными глазами: голубым и карим.

Встретив его пронзительный, слегка насмешливый взгляд, мастер Натаниэль испытал беспокойство, привычное в присутствии этого человека; ему казалось, что тот читает его мысли. Поэтому он не стал ходить вокруг да около, а напрямую сказал, зачем его позвал.

Эндимион Хитровэн присвистнул. Он бросил на мастера Натаниэля почти угрожающий взгляд и резко спросил:

– Кто дал ему эту штуку?

Мастер Натаниэль объяснил, что это сделал служивший у него когда-то парень по имени Вилли Висп.

– Вилли Висп? – закричал доктор хриплым голосом. – Вилли Висп?

– Да, Вилли Висп... будь он проклят, этот негодяй, – злобно сказал мастер Натаниэль. И добавил с некоторым удивлением: – Вы его знаете?

– Знаю ли я его? Да, я его знаю. Кто же не знает Вилли Виспа? – ответил доктор – Видите ли, – добавил он, фыркнув, – так как я не сенатор и не купец, я могу общаться с кем захочу. Вилли Висп со своими проделками был просто чумой для города, и жители отнюдь не благословляли его милость мэра за то, что он держал такого мерзавца.

– Ну что ж, если я еще раз его встречу, то избью до полусмерти, – в ярости выкрикнул мастер Натаниэль, а Эндимион Хитровэн посмотрел на него со странной улыбкой.

– А теперь покажите-ка мне лучше вашего сына и наследника, – сказал он после паузы.

– Как вы думаете... вы сможете его вылечить? – по пути в гостиную спросил мастер Натаниэль сдавленным голосом.

– Я никогда не отвечаю на подобные вопросы, прежде чем не увижу пациента, и далеко не всегда даже после этого, – ответил Эндимион Хитровэн.

Ранульф лежал на кушетке в гостиной, госпожа Златорада сидела там же и вышивала. Она была очень бледна и держалась с несколько вызывающим видом, каждой клеточкой ощущая себя Виджил. Она была полна негодования против обоих Шантиклеров, отца и сына, втянувших ее в этот ужасный скандал.

Пока Эндимион Хитровэн осматривал язык Ранульфа, щупал пульс, задавал по ходу вопросы, касающиеся симптомов, мастер Натаниэль, близкий к обмороку из-за мрачных предчувствий, стоял рядом.

Наконец доктор повернулся к хозяину и попросил:

– Оставьте нас вдвоем. Он будет чувствовать себя свободней без вас и вашей супруги.

Докторам всегда следует осматривать своих пациентов наедине.

Но Ранульф в ужасе отпрянул:

– Нет, нет, нет! – кричал он. – Отец! Отец! Не оставляй меня с ним.

И потерял сознание.

Мастер Натаниэль схватился за голову и снова стал жужжать и гудеть, как майский жук. Но Эндимион Хитровэн остался совершенно спокойным. А человек, сохраняющий спокойствие, обязательно останется хозяином ситуации. Мастер Натаниэль почувствовал, что его вежливо, но уверенно выталкивают из собственной гостиной, закрывая дверь прямо перед его носом. Госпожу Златораду постигла та же участь, и обоим не оставалось ничего другого, как терпеливо ожидать в курительной.

– Клянусь Солнцем, Луной и Звездами, я вернусь обратно! – диким голосом закричал мастер Натаниэль. – Не доверяю я этому типу, не собираюсь оставлять Ранульфа с ним наедине. Я возвращаюсь.

– О! Прекрати, Нат! – устало сказала госпожа Златорада. – Пожалуйста, успокойся. Мы не можем запретить доктору пользоваться своими методами.

Плохо скрывая свое беспокойство, мастер Натаниэль с четверть часа мерил комнату шагами.

Гостиная была расположена как раз напротив курительной, их разделял только узкий коридор, и, открыв дверь, мастер Натаниэль услышал доносившиеся из комнаты приглушенные голоса.

Они свидетельствовали о том, что Ранульф уже пришел в себя, что само по себе обрадовало отца.

Но вдруг он весь напрягся, его зрачки расширились, лицо стало пепельно-серым, глухим от ужаса голосом он закричал:

– Златорада, ты слышишь?

В гостиной кто-то пел.

Мелодия была красивая и печальная, а прислушавшись, можно было различить слова:

А может ли доктор вылечить больного?

А может ли волшебник сказать, какая ждет
нас судьба

Без лилий, дубровника и горячего вина?

Только с помощью розы-эглантирии,

И костра,

И земляники,

И водосбора.

– Боже милосердный, Нат! – изображая отчаяние, воскликнула госпожа Златорада – Ну что еще на этот раз?

– Златорада! Златорада! – повторял он хрипло, хватая ее за руку – Разве ты не слышишь?

– Я слышу самую обычную старинную песенку, если ты это имеешь в виду. Я знала ее всегда. Это так мило со стороны Эндимиона Хитровэна взять на себя роль няньки и так домашнему возиться с Ранульфом!

Но мастер Натаниэль слышал Звук! Несколько мгновений он стоял неподвижно, и на лбу у него проступили капли пота. Вдруг, обезумев от ярости, он бросился в коридор, забыв, что гостиная заперта. Тогда он выскочил в сад и вломился в комнату через открытое окно.

Сидевшие там были настолько поглощены друг другом, что абсолютно ничего не заметили ни того, как мастер Натаниэль ломился в дверь, ни даже того, что он влез в окно.

Ранульф лежал на кушетке с безмятежным и умиротворенным лицом, а над ним, тихо напевая мелодию, уже без слов, склонился Эндимион Хитровэн.

Заревев, как бык, мастер Натаниэль набросился на доктора и, осыпая его самыми обидными эпитетами, какие только мог вспомнить, включая, конечно же «мать твоя – фея», стал трясти его, как терьер крысу.

Ранульф захныкал и стал жаловаться, что отец все испортил, а ему было так хорошо с док тором.

На шум сбежались перепуганные слуги и принялись колотить в дверь, а госпоже Златораде пришлось влезть через окно, выходящее в сад. Зардевшись от стыда, почти истерически умоляя мужа образумиться, она стала отгаскивать его от Хитровэна.

Он уступил ее мольбам, только когда полностью выбился из сил и, наконец, оставил свою жертву – багрового и еле дышащего от такой яростной встряски доктора.

Бросив убийственный взгляд на мужа, который тоже тяжело дышал, но чувствовал себя победителем, она рассыпалась перед Хитровэном в извинениях. С трудом восстанавливая дыхание, Эндимион Хитровэн упал на стул. Мастер Натаниэль стоял рядом и глядел на него с крайней свирепостью, а Ранульф с побелевшим от страха лицом лежал на кушетке. Наконец доктор встал, слегка отряхнулся, вынул платок и, промокнув им лоб, заметил с коротким смешком без намека на обиду:

– Ну что ж, хорошая встряска – это прекрасная вещь для поднятия тонуса. Благодарю вас... сердечно благодарю за лечение.

Но мастер Натаниэль спросил суровым голосом:

– Что вы делали с моим сыном?

– Что я с ним делал? Я давал ему лекарство. Песнями лечили задолго до того, как начали лечить травами.

– Мне было так хорошо, – стонал Ранульф.

– Что это была за песня? – тем же суровым тоном потребовал отчета мастер Натаниэль.

– Очень старая песня. Няньки пели ее детям. Да вы наверняка знали ее всю жизнь. Как она называется? Вы ведь знаете ее, госпожа Златорада, правда? «Водосбор» – да, это она. «Водосбор».

Деревья в саду шептались с ветром. Кричали птицы. Где-то вдалеке на здании Палаты Гильдий били часы, а в гостиной пахло весенними цветами и ароматической смесью из сухих лепестков.

Мастер Натаниэль немного успокоился. Он провел рукой по лбу и неестественно засмеялся:

– Я... Я, право, не знаю, что на меня нашло. Я так волновался за мальчика, наверное, это и вы вело меня из себя. Мне остается только просить у вас прощения, Хитровэн.

– Не стоит извиняться... совершенно незачем. Ни один доктор, если он чего-то стоит, не станет обижаться на... больного, – и он бросил на мастера Натаниэля веселый, но немного странный взгляд.

Мастер Натаниэль снова нахмурился и выдавил из себя:

– Благодарю вас.

– А теперь, – продолжал доктор, словно ничего не произошло, – мне хотелось бы немного поговорить с вами наедине об этом юном джентльмене. Это возможно?

– Конечно, конечно, доктор Хитровэн, – поспешно согласилась госпожа Златорада, видя, что ее муж колеблется. – Он будет вам крайне признателен, я уверена. Хотя, по-моему, вы очень храбрый человек, если доверяетесь такому чудовищу. Нат, пригласи доктора Хитровэна в кабинет.

Мастер Натаниэль повиновался.

После первых же слов доктора он почувствовал себя успокоенным, и все его недавние страхи мгновенно улетучились. Даже смущение прошло.

А доктор сказал:

– Не горюйте, ваша милость! Я ни на йоту не верю, что ваш мальчик пробовал то, что упоминать не должно.

– Что? Как вы сказали? – радостно засуетился мастер Натаниэль. – Клянусь Золотыми Яблоками Запада! Так, значит, это была буря в стакане воды! Вот негодник, как он нас испугал!

Конечно же, он все время знал, что это не могло быть правдой! Факты не могут быть такими упрямыми и такими жестокими.

Человеку свойственно относиться даже к неприятным фактам с неисправимым оптимизмом, хотя лишь недавно его охватывал ужас перед неизвестным.

Однако, вспомнив о мучительной сцене с Ранульфом прошлой ночью, мастер Натаниэль опять почувствовал, что его охватывает леденящий страх.

– Но... но... – бормотал он в нерешительности, – зачем же тогда эта дурацкая история? С какой целью он ее рассказал? Нет сомнений в том, что мальчик болен душой и телом, и зачем, во имя Млечного Пути, ему понадобилось выдумывать историю о том, как Вилли Висп дал ему попробовать эту проклятую штуку? – Он умоляюще посмотрел на Эндимиона Хитровэна, и во взгляде его читалось: «Таковы факты. Я предоставляю их вам. Будьте милосердны и объясните мне, что происходит».

Что Эндимион Хитровэн и попытался сделать.

– Откуда мы знаем, что это была... «проклятая штука»? – спросил он. – Единственное, что нам известно, это слова Вилли Виспа, а насколько я знаю этого джентльмена, они так же надежны, как... как шаловливый ветерок. Весь Луд знает о его проделках... Он скажет, что угодно, только бы кого-нибудь испугать. Нет, нет, поверьте мне, это одна из его шуток, которую он разыграл с мастером Ранульфом. У меня есть некоторый опыт в этом деле – вы же знаете, у меня обширная практика в порту, – а у вашего сына симптомы другие. Нет, нет, то, что ваш сын отведал волшебных фруктов не более вероятно, чем... если бы вы отведали их сами.

Мастер Натаниэль улыбнулся и с облегчением протянул ему руки.

– Благодарю вас, Хитровэн, благодарю вас, – сказал он осипшим от волнения голосом. – Все это было так ужасно, что я совершенно потерял голову. А вы так добры, что не рассердились за мое чудовищное поведение в гостинной.

На мгновение мастеру Натаниэлю показалось, что он действительно любит этого странного, острого на язык маленького выскочку.

– А теперь, – продолжал он, сияя, – в знак того, что все действительно забыто и вы меня простили, мы должны выпить за здоровье Ранульфа немного чабрецового джина... – И он вынул из буфета два стакана и графин благоухающего зеленого напитка, который остался от вчерашнего ужина.

Несколько минут они с удовольствием молча потягивали джин.

Наконец Эндимион Хитровэн, словно обращаясь к самому себе, задумчиво сказал:

– Да, возможно, это выход. Зачем нам искать другое лечение, если наши предки гнали джин из дикого чабреца? Нет, джин не дикий. Джин из чабреца, из времени, из терновника. Это отрадно.

Мастер Натаниэль что-то промычал. Он очень хорошо понял, о чем говорил Эндимион Хитровэн, но решил этого не показывать. Любое замечание, касающееся поэзии или философии, всегда приводило его в смущение. К счастью, подобные замечания редко звучали в Луде-Туманном.

И он, поставив свой стакан, бодро произнес:

– А теперь, Хитровэн, давайте перейдем к делу. Вы сняли с моей души тяжелейшее бремя, но все-таки мальчик не в себе. Что с ним такое?

Эндимион Хитровэн как-то странно улыбнулся, а потом медленно и спокойно сказал:

– Мастер Натаниэль, а что с вами такое? Мастер Натаниэль вздрогнул.

– Что со мной? – холодно переспросил он. – Я пригласил вас не для того, чтобы проконсультироваться насчет собственного здоровья. Мы, если позволите, продолжим разговор о состоянии моего сына.

Эндимион Хитровэн саркастически прищурился.

– Ну что ж, возможно, я ошибаюсь, – сказал он, – но у меня такое ощущение, что вы, ваша милость, довольно эксцентричны и находитесь во власти каких-то странных фантазий. Знаете, как я называю ваш дом? Я называю его Гнездом мэра. Да, Гнездом мэра!

И, откинув голову, он искренне засмеялся своей шутке, в то время как мастер Натаниэль злобно взирал на него, не произнося ни слова.

– Так вот, ваша милость, – продолжал доктор более серьезно, – если я проявил нескромность, вы должны простить меня... как я простил вас за то, что произошло в гостиной. Видите ли, врач обязан быть внимательным... Он лечит своих пациентов, исходя не из их рассказов, а из того, что замечает сам. Для врача все является симптомами... даже то, как человек раскуривает трубку. Например, однажды ваша милость оказали мне честь быть моим партнером в карточной игре. Возможно, вы забыли – это было несколько лет назад у Пайпаудеров. Мы проиграли. Почему? Потому что всякий раз, когда у вас оказывалась самая ценная в колоде карта – Червовая Лира, – вы тут же выбрасывали ее, словно она жгла вам руки. Подобные вещи заставляют врача задуматься, мастер Натаниэль. Вы чего-то боитесь.

Лицо мастера Натаниэля медленно заливалось краской. Теперь, когда доктор упомянул об этом, он очень хорошо вспомнил, как действительно когда-то не мог держать в руках Червовую Лиру. Для него ее имя каким-то образом было связано со Звуком. Как мы уже знаем, он мог воспринимать самые невинные вещи как табу. Но подумать только, что кто-то мог заметить это!

– Это необходимое вступление к тому, что я должен сказать по поводу вашего сына, – продолжал Эндимион Хитровэн. – Видите ли, я хочу объяснить вам, что, хотя человек и вовсе не подходил к волшебным фруктам, у него могут быть все симптомы того, как если бы он их употреблял постоянно. Погодите! Погодите! Вы слушайте меня! – пытался остановить собеседника доктор.

Ибо, подавив крик, мастер Натаниэль вскочил со стула.

– Я совсем не хочу сказать, что у вас есть все эти симптомы... отнюдь нет! – продолжал доктор. – Но вы же знаете, что бывают ложные имитации многих недугов – состояния, в точности совпадающие со всеми симптомами болезни, и сами доктора часто идут у них на поводу. Вы хотите, чтобы я продолжал говорить о вашем сыне... Так вот, я считаю, что он страдает от мнимого пресыщения волшебными фруктами.

Хотя мастер Натаниэль был еще очень зол, он почувствовал большое облегчение. Такое объяснение его собственного состояния, лишённое всякой тайны и поставленное каким-то образом на рациональную основу, было благотворно, как лечение. Поэтому он позволил доктору продолжать, больше не перебивая, разве что чисто машинально пожимая иногда плечами, выражая этим недоумение или протест.

– Далее, – продолжал доктор. – Я довольно серьезно изучал воздействие волшебных фруктов на организм, которое мы считаем болезнью. На самом деле оно скорее похоже на мелодию, которую человек не может выбросить из головы. – Его яркие глазки сверкнули. – Воздействие фруктов, мне кажется, лучше всего можно представить, как изменение внутреннего ритма, в котором мы живем. Вы когда-нибудь видели малыша лет трех-четырёх, который идет по улице с отцом за руку? Они как будто идут в ритмах совершенно разных мелодий. И хотя они держатся за руки, но расстояние между ними не меньше, чем если бы они находились на разных планетах... Каждый видит и слышит абсолютно разные вещи. В то время как отец спокойно идет к какой-то заранее намеченной цели, ребенок дергает его за руку, без причины смеется, с любопытством оглядывается на какие-то невидимые для нас предметы. Так вот, любой человек, отведавший волшебных фруктов (простите меня, ваша милость, за то, что я называю вещи своими именами, но человек моей профессии обязан это делать), идет по жизни в ритме совершенно другой мелодии, отличаясь от остальных людей. Совсем как ребенок с отцом. Но кое-кто может и родиться в другой мелодии... Именно таков, мне кажется, случай Ранульфа. Но если он собирается в будущем стать гражданином и приносить пользу обществу, ему, не теряя своей собственной мелодии, нужно научиться ходить в ритме остальных людей. Он не научится этому здесь... пока. Мастер Натаниэль, вы плохо обращаетесь со своим сыном.

Мастер Натаниэль заерзал на стуле и напряженно спросил:

– Так что же вы посоветуете?

– Я бы посоветовал научить его другой мелодии, – быстро сказал доктор. – Отличной от тех, которые он слышал до сих пор, но совпадающей с шагом похожих на Ранульфа людей. У вас в морском порту наверняка есть капитаны или еще какие-нибудь приятели. Разве среди них не найдется честного малого, с разумной женой, у которых мальчишка смог бы пожить месяц-другой? Или, скажем, – продолжал он, не давая мастеру Натаниэлю ответить, – пожить на какой-нибудь ферме, что тоже было бы полезно, – а, возможно, так даже лучше. Сев и сбор урожая, спокойные дни, запахи и звуки, похожие на старинные мелодии, целительный покой ночи... джин времени, джин неторопливости! Клянусь Урожаем Душ, мастер Натаниэль, я бы предпочел быть скорее фермером, чем купцом... Волнующаяся от ветра рожь – лучше моря, и телега – лучше корабля, их груз – слаще и здоровее любого шелка или специй, так как в них – мир и покой для души. Да. Мастеру Ранульфу необходимо провести несколько месяцев на ферме, и я знаю одно местечко как раз для него.

Мастера Натаниэля слова доктора тронули больше, чем ему бы того хотелось. Они были похожи на крик петуха, но без печали. Однако когда он задал вопрос, где же находится эта чудесная ферма, то попытался придать своему голосу безразличие и естественность.

– О, довольно далеко, на Западе, – неопределенно ответил доктор. – Она принадлежит одной моей старой знакомой – вдове Бормоти. Это приятная хлопотунья, она умеет все, что должна уметь женщина, а ее внучка Хейзел – симпатичная, смышленная, трудолюбивая девочка. Я уверен...

– Бормоти, вы сказали? – переспросил мастер Натаниэль. Это имя показалось ему знакомым.

– Да, вы могли слышать его в суде – оно довольно редкое. Она однажды судилась, много лет назад. Кажется, какой-то проворовавшийся работник подал на нее в суд, требуя возместить убытки за то, что ее покойный муж избил его и выгнал после очередной кражи.

– А где находится эта ферма?

– Миль за шестьдесят от Луда, около деревни Лебедь-на-Пестрой.

– Лебедь-на-Пестрой? Так это же совсем близко от Эльфских Пределов! – возмущенно закричал мастер Натаниэль.

– Почти в десяти милях, – невозмутимо ответил Эндимион Хитровэн. – Ну и что из этого? Для фермы, где люди работают, чтобы обеспечить себя всем необходимым, десять миль

– это такое же большое расстояние, как сто – в Луде. Однако при данных обстоятельствах я могу понять, почему вас смущает и даже пугает Запад. Ну что ж! Попробую придумать еще что-нибудь.

– Да уж придумайте! – проворчал мастер Натаниэль.

– И все же, – продолжал доктор, – вам совершенно не следует бояться этого района. На самом деле там мальчик будет намного дальше от искушения, чем здесь. Контрабандисты, кем бы они ни были, подвергаются большому риску, привозя фрукты в Луд, и они не станут переводить их на крестьян и батраков.

– Все равно, – упрямо возразил мастер Натаниэль, – я не собираюсь отправлять сына так близко к... определенному месту.

– Месту, которое для Закона не существует, да? – улыбнулся Эндимион Хитровэн.

Он наклонился и в упор посмотрел на мастера Натаниэля. Теперь его глаза были не только пронизательными, но и добрыми.

– Мастер Натаниэль, я хочу обратиться к вашему здравому смыслу, – сказал он. – Я знаю, что здравый смысл – это всего лишь лекарство и как всякое лекарство действует недолго. Но, подобно маковому молочку, он часто приносит временное облегчение.

Какое-то время доктор сидел молча, словно заранее выбирая слова. Наконец он заговорил:

– Мы имеем несчастье жить в стране, граничащей с неведомым, а это может породить болезненные фантазии. Хотя мы смеемся над старыми песнями и сплетнями, именно из этих сплетен сплетается наша картина мира.

Он на секунду умолк, чтобы оценить свой каламбур, а затем продолжал:

– Но давайте хоть раз посмотрим фактам в лицо и назовем вещи своими именами. Страна Фей, например... Никто не помнит, чтобы там кто-то побывал. Вот уже для нескольких поколений это запретная земля. И, как следствие, любопытство, невежество и необузданная фантазия, объединив усилия, породили страну, где с золотых деревьев свисают рубины и жемчуг, а жители, ее населяющие, бессмертны и ужасны, так как обладают какими-то неземными способностями, и так далее. Но – и в данном случае я отнюдь не разделяю точку зрения некоего археолога, пользующегося дурной репутацией, – нет ни одной привычной вещи, которая, если на нее посмотреть под определенным углом, не стала бы волшебной. Представьте себе Пеструю или Дол, когда их воды несут на восток отблески закатов. Вспомните осенний лес или боярышник в мае. Майский боярышник – вот вам и чудо! Кто мог представить себе, что это кривое колючее старое дерево может стать таким прекрасным? Что же, все это для нас привычно, но что бы мы подумали, если бы прочитали их описание или впервые увидели? Золотая река! Пламенеющие деревья! Деревья, на которых внезапно распускаются цветы! Для постороннего взгляда Доримар вполне мог бы стать тем, чем является Страна Фей для живущих по эту сторону Гор Раздора.

Мастер Натаниэль вбирал каждое слово, словно нектар. Чувство безопасности бурлило у него в крови, как молодое вино...

От этого пьянящего напитка у него с непривычки слегка закружилась голова.

Эндимион Хитровэн глядел на него с легкой улыбкой.

– А теперь, – сказал он, – может быть, ваша милость позволит мне поговорить о вашем случае. Я думаю, вы страдаете от того, что можно назвать «болезнью жизни». Вы, если можно так выразиться, плохой моряк, и движение жизни сводит вас с ума. Под вами и вокруг вас, везде, со всех сторон вздымается и волнуется, течет, беспрестанно перекачивая волны, великая, неуправляемая и безжалостная стихия, которую мы зовем жизнью. Ее движение проникает вам в кровь, у вас кружится от него голова. Избавьтесь от морской болезни, мастер Натаниэль! Я не хочу сказать, чтобы вы перестали ощущать движение... Чувствуйте его, но научитесь его

любить или, если не любить, то, по крайней мере, выдерживать, твердо стоя на ногах и не теряя голову.

На глазах мастера Натаниэля появились слезы, и он как-то застенчиво улыбнулся. В этот момент он, безусловно, чувствовал под собой terra firma⁵, а нам всегда кажется, что любое наше настроение, пока оно длится, станет постоянным состоянием души. И в этот момент он был убежден – никогда больше он не будет страдать от «болезни жизни».

– Благодарю вас, Хитровэн, – пробормотал он. – Благодарю вас за ваши слова.

– Вот и прекрасно, – улыбнулся доктор, – тогда доставьте мне удовольствие вылечить вашего сына. Для меня самое большое удовольствие в жизни – лечить людей. Позвольте мне устроить для него поездку на эту ферму.

Находясь в таком настроении, мастер Натаниэль не мог ему отказать. Итак, было решено, что в ближайшем будущем Ранульф отправится в Лебедь-на-Пестрой.

Перед тем, как уйти, Эндимион Хитровэн сказал с какой-то странной торжественностью:

– Мастер Натаниэль, я хочу, чтобы вы запомнили одну важную вещь – никогда в жизни я не ошибался в выборе лечения.

Уходя от Шантиклеров, Эндимион Хитровэн потирал руки, посмеиваясь про себя.

– Просто не могу не быть хорошим врачом и не проливать бальзам на раны, – бормотал он. – Кроме того, это был крайне удачный прием. Иначе бы он никогда не позволил мальчику поехать туда.

Вдруг он вздрогнул и, прислушиваясь, замер. Откуда-то издалека доносился какой-то призрачный Звук. Может быть, это кричал петух вдалеке, а может, звенел чей-то тихий издательский смех.

⁵ Твердая почва (лат.).

Глава 5

Ранульф едет на ферму вдовы Бормоти

Эндимион Хитровэн оказался прав. Здравый смысл – это всего лишь лекарство, его действие не может длиться вечно. Вскоре мастер Натаниэль снова страдал от «болезни жизни», и больше, чем когда-либо.

Прежде всего, нельзя отрицать, что в голосе Эндимиона Хитровэна, когда тот пел Ранульфу, он снова услышал Звук, что мучил его, невзирая ни на какой здравый смысл.

Но этого было недостаточно, чтобы он перестал доверять Хитровэну, так как мастер Натаниэль знал, что можно услышать Звук в самых невинных вещах. Ведь насмешливый крик кукушки иногда доносится из гнезда жаворонка. Но он, конечно же, не собирался отпустить Ранульфа на эту западную ферму.

А мальчик очень хотел, просто жаждал уехать, так как Эндимион Хитровэн, оставшись с ним наедине в гостиной тем утром, разжег его воображение описанием всевозможных прелестей, связанных с пребыванием на ферме.

Когда мастер Натаниэль спросил сына, о чем еще они говорили с Эндимионом Хитровэном, мальчик сказал, что тот задал ему очень много вопросов о танцующем незнакомце в зеленом и заставил несколько раз в точности повторить его слова.

– А потом, – продолжал Ранульф, – он сказал, что споет мне, от этого мне станет хорошо, я почувствую себя счастливым. И я действительно чувствовал себя чудесно, пока ты не ворвался к нам, отец.

– Извини меня, мой мальчик, – отвечал мастер Натаниэль, – но почему же ты сам сначала так кричал и просил не оставлять тебя с ним наедине?

Ранульф пожал плечами и опустил голову.

– Думаю, это было, как с сыром, – сказал он застенчиво. – Но, папа, я так хочу поехать на ферму. Пожалуйста, позволь мне поехать.

Несколько недель мастер Натаниэль упорно не соглашался. Он проводил с мальчиком все свободное время, насколько позволяли ему его общественные дела, и пытался найти для него занятия и развлечения, которые бы обучили его «другой мелодии». Слова Эндимиона Хитровэна хотя и не произвели особого воздействия на душевное состояние мэра, но, без сомнения, оставили след.

Однако нельзя было не заметить, что Ранульф с каждым днем слабел и увядал, его разговоры становились все более и более странными, и мастер Натаниэль стал опасаться, что его возражения против отъезда на ферму объясняются просто эгоистическим желанием удержать сына при себе.

Как это ни удивительно, Конопелька к поездке отнеслась одобрительно. Она была уверена, что Вилли Висп дал мальчику волшебный фрукт. Старуха говорила, что у нее сразу возникли подозрения, но она молчала, потому что упоминание об этом никому не принесло бы добра.

– Если не это, то что же тогда? – насмешливо вопрошала она. – И кто такой Вилли Висп? Он исчез – хотя ему и не заплатили за месяц – в одну из двенадцати ночей святок. А если собака или слуга исчезают так внезапно в это время, то всем ясно, что это значит.

– И что же это значит, Конопелька? – поинтересовался мастер Натаниэль.

Сначала старуха только качала головой и многозначительно молчала. Наконец она сказала, что в деревнях верили: если среди слуг есть феи или эльфы, они обязаны вернуться в свою страну в одну из двенадцати ночей после зимнего солнцестояния. А если среди собак

есть какая-нибудь собака из своры герцога Обри, она будет выть и выть все эти ночи напролет, пока ее не спустят с цепи, а потом исчезнет в темноте, и никто больше ее не увидит.

Мастер Натаниэль даже переменялся в лице от злости.

– Ты же сам вытащил из меня эти слова! Хоть ты и мэр, и Лорд Верховный Сенешаль, а над моими мыслями все равно не властен. Я имею на них право! – возмутилась Конопелька.

– Моя дорогая Конопелька, если ты действительно веришь в то, что мальчик съел... определенную вещь, меня удивляет, что ты слишком легко к этому относишься, – проговорил мастер Натаниэль.

– А что хорошего будет, если я сострою печальное лицо и стану похожей на одну из статуй в Полях Греммери, хотела бы я знать? – отпарировала Конопелька. А потом добавила: – Кроме того, что бы ни случилось, Шантиклеры не пострадают. Шантиклеры будут процветать, пока стоит Луд. Поэтому плохи дела или хороши, вы меня печальной не увидите. Но на вашем месте, мастер Натаниэль, я бы не мешала мальчику. Лучше всего предоставить больного человека самому себе, будь то ребенок или взрослый. Если больному не идти наперекор, для него это – как целебная трава для больной собаки.

Мнение Конопельки произвело на мастера Натаниэля большее впечатление, чем ему бы хотелось признать, но окончательно он сдался после разговора с капитаном Мамшансом, начальником полиции Луда.

Конница несла гарнизонную и полицейскую службу в городе, поэтому мастер Натаниэль поручил капитану отыскать Вилли Виспа.

Оказалось, что в полиции хорошо знали этого негодяя, и Мамшанс подтвердил слова Эндимиона Хитровэна. За те несколько месяцев, пока тот служил у мастера Натаниэля, этот подлец своими проделками действительно поставил в городе все с ног на голову. Но с тех пор, как он исчез во время святок, о нем ничего не было слышно и никто больше не видел его в Луде-Туманном. Мамшанс не смог обнаружить его следов.

Мастер Натаниэль курил и ворчал, жалуясь на бесполезность полиции, но в глубине души испытывал облегчение. Его мучил тайный страх, что Конопелька права, а Эндимион Хитровэн ошибается, и Ранульф в самом деле съел волшебный фрукт. Но лучше всего не думать об этом. Он боялся, что при столкновении с Вилли Виспом факты могут обнаружиться. Но что это Мамшанс ему рассказывает?

Похоже, что за последние месяцы потребление волшебных фруктов сильно увеличилось – в бедных кварталах, конечно.

– Это нужно прекратить, Мамшанс, слышите? – закипая от злости, кричал мастер Натаниэль. – И кроме того, контрабандисты, все эти сукины дети, до единого должны быть пойманы и посажены в тюрьму! Это и так слишком долго продолжается.

– Да, ваша милость, – бесстрастно ответил Мамшанс, – это тянется со времени моего предшественника, если ваша милость позволит мне так изъясниться (Мамшансу очень нравились длинные витиеватые обороты речи, но он побаивался слишком часто употреблять их в разговоре со старшими по чину), и существовало задолго до него. А считать, что мы лучше наших предшественников негоже. Я иногда думаю, что скорее можно попытаться поймать реку Пеструю и посадить ее в тюрьму, чем захватить этих контрабандистов. Ах, печальные нынче времена, ваша милость, печальные времена!.. Каждый подмастерье хочет стать хозяином, каждый купчишка – сенатором, любой грязный мальчишка думает, что может дерзить старшим! Понимаете, ваша милость, я многое вижу и слышу в сфере моей компетенции... Но то, что слышишь своими ушами и видишь своими глазами, – не совсем слова, так сказать, и не так-то просто рассказать кому-то, что ты замечаешь... Не проще, чем гусю рассказать, откуда он знает, что пойдет дождь, – и он хихикнул с извиняющимся видом. – Но я не удивлюсь, о нет, несколько не удивлюсь, если узнаю, что назревает *ничто*.

– Клянусь Солнцем, Луной и Звездами, Мамшанс, вы говорите загадками! – раздраженно закричал мастер Натаниэль. – Что вы имеете в виду?

Мамшанс беспокойно переступил с ноги на ногу.

– Ну что ж, ваша милость, – начал он. – Дело обстоит так. Народ снова начинает проявлять огромный интерес к герцогу Обри. Все девушки носят какие-то безвкусные украшения с его портретом, в их чепцы воткнуты искусственный плющ и морской лук, и во всем городе нет ни одной убогой улицы, где бы попугаи, которых привозят матросы, не кричали из клетки о том, что герцог снова придет к власти... или еще какую-нибудь чепуху.

– Мой дорогой Мамшанс! – нетерпеливо перебил его мастер Натаниэль. – Этот мерзавец герцог Обри был правителем более двухсот лет назад и давно умер. Вы же не верите в то, что он снова оживет, или...

– Я не говорю, что он оживет, ваша милость. Но знаю, что если в Луде начинают о нем говорить, это предвещает беду. Я помню, как старый Трипсанд, командовавший кавалерией еще в годы моей юности, всегда говорил, что подобных разговоров было очень много перед Великой засухой.

– Вздор! – воскликнул мастер Натаниэль. Теории Мамшанса по поводу герцога Обри он выкинул из головы сразу же. Но его очень взволновало сказанное о волшебных фруктах, и он все больше убеждался в правоте Эндимиона Хитровэна, считавшего, что в Лебеди-на-Пестрой Ранульф будет дальше от искушения, чем в Луде.

Он имел еще одну беседу с Хитровэном, после чего было решено, что как только госпожа Златорада и Конопелька соберут Ранульфа в дорогу, тот немедленно отправится на ферму вдовы Бормоти. Эндимион Хитровэн сказал, что хотел пособирать травы в тех местах и с удовольствием поедет туда с мальчиком.

Конечно же, мастеру Натаниэлю хотелось бы отвезти Ранульфа самому, но по закону мэр мог покидать Луд только в случае служебной необходимости.

Вместо себя он решил отправить Люка Коноплина, парня лет двадцати, внучатого племянника старой Конопельки. Он работал в саду и всегда был преданным слугой Ранульфа.

И вот через неделю, прекрасным солнечным утром Эндимион Хитровэн приехал к Шантиклерам на лошади, чтобы забрать ожидавшего его с нетерпением Ранульфа. На мальчике были сапоги со шпорами, и выглядел он, как много месяцев назад.

Прежде чем Ранульф сел на лошадь, мастер Натаниэль, смахнув слезу, поцеловал его в лоб и прошептал:

– Черные грачи улетят, сынок, и ты вернешься загорелый, как моряк, здоровый, как ягодка, и веселый, как кузнечик. А если ты захочешь меня видеть, пришли только весточку с Люком, и я примчусь к тебе галопом, законно это или нет!

Из решетчатого окна под крышей появилась голова Конопельки в ночном чепце. Она трясла кулаком и кричала:

– Имей в виду, Люк, если не будешь заботиться о нашем мальчике, ты у меня получишь!

Пока эта небольшая кавалькада проезжала по мощеным булыжником улицам, многие провожали ее любопытными взглядами. Мисс Салат и мисс Розы, две милостивые дочери главного часовщика, возвращавшиеся с рынка, решили, что Ранульф выглядит на лошади очень мило.

– Хотя, – добавила мисс Розы, – говорят, он немного... странный, и как жаль, что он унаследовал от мэра эти рыжие волосы.

– Ну что ж, Розы, – отпарировала Салат, – по крайней мере, он не прячет их под черным париком, как один мой знакомый подмастерье!

И, запрокинув головку, она засмеялась.

Много женщин, глядя им вслед, посылали благословения Эндимиону Хитровэну, сожалея, что не он мэр и Верховный Сенешаль. А несколько мужчин сурового вида злобно выругали

Ранульфа. Но матушка Тиббс, полусумасшедшая прачка, танцевавшая легче любой девушки, несмотря на свои сорок зим и лет, и, следовательно, имевшая большой успех на танцах в тавернах (а танцы играли важную роль в жизни на родных масс Луда-Туманного), так вот, сумасшедшая матушка Тиббс, пользовавшаяся дурной репутацией, несмотря на свое до странности благородное и невинное лицо, бросила ему букет цветов и прокричала певучим звенящим голо сом:

– Кукареку! Кукареку! Сын хозяина отправляется в страну, где все яйца золотые!

Но никто и никогда не обращал внимания на слова матушки Тиббс.

За время их путешествия в Лебедь ничего, достойного упоминания, не произошло, кроме бесконечной прелести лета вдаль от города. Березовые рожицы карабкались по крутым склонам, пробиваясь сквозь свою же прошлогоднюю листву; поля пестрели таволгой и щавелем; акации стояли в цвету, а ветер распушивал ивы белыми соцветиями.

Время от времени земные чудеса – синяя вспышка зимородка, рыжая молния лисицы – будоражили и приводили в трепет сердце, распространяя вокруг себя красоту.

Вдали там и сям, по берегам тихо струящейся Пестрой, неподвижно, в полной тишине стояли деревушки с опрятными домиками под красной черепицей – наименее тщеславные из окружающего великолепия: они никогда не любовались своим отражением в воде, а устремляли взгляд к линии горизонта.

Путникам встречались разрушенные замки, увитые плющом, – символы минувших времен; в заросли плюща ныряли дикие голуби, оставляя за собой аметистовый след; точно так же на пучке зеленых листьев видны лиловые пятна, потому что там прячутся фиалки.

И садилось солнце, и тогда всадники наблюдали, как мир теряет краски. Было ли это дерево в самом деле зеленым, или они только помнили, что еще несколько секунд назад оно было зеленым?

И цель, которую преследуют все путешественники, – большая широкая дорога манила, бея в сумерках.

Но на третий день (ради Ранульфа они ехали не торопясь) все изменилось, особенно деревья, и вместо акаций, ив и берез – таких знакомых живых существ, вечно нашептывающих секреты самим себе, – появились сосны, сеньоры-дубы и оливковые деревья. Поначалу они показались Ранульфу безжизненными произведениями искусства, и он воскликнул:

– Ох, гляньте, какие смешные деревья! Они похожи на старые статуи в Полях Греммери!

Но в той же степени они были похожи на старинную трагедию. Потому что если можно выразить в пластических формах человеческий или сверхчеловеческий опыт и трагический конфликт личности, тогда можно почти поверить в то, что ветер погнул эти покореженные деревья в соответствии с древней, давно минувшей драмой.

Однако оливковые деревья и сосны не могут расти вдаль от моря. А море, несомненно, находилось восточнее Луда-Туманного, значит, с каждой милей они удалялись от него все дальше?

Это было море под Горами Раздора и Эльфскими Пределами – невидимое море Страны Фей.

Они приехали в деревню Лебедь-на-Пестрой во второй половине дня. Деревня – десяток домиков, разбросанных вокруг треугольника необработанной общинной земли, с оливами и чахлыми фруктовыми деревьями. Этот кусок земли использовался в качестве деревенской свалки. Вдали виднелись мягкие очертания поросших соснами Гор Раздора – прекрасный фон для цветов разных времен года. И в самом деле, они придавали достоинство и значительность всему, что жило, росло или происходило на их фоне.

Выехав из деревни, они свернули на проселок – вправо от большой дороги. Он вводил в долину, мягкие отлогие склоны которой были покрыты виноградниками и полями пшеницы. Иногда они проезжали небольшие дубовые рощи: стволы деревьев казались кроваво-алыми в

тех местах, где была содрана кора. Повсюду рос низкий кустарник. Над ним трудились мириады пчел – так он благоухал.

С каждой минутой горы придвигались все ближе, и сосны на склонах стали проступать на фоне ковра из вереска, словно рельеф из более плотного вещества, напоминая густую зеленую пену водяного кресса на отливающем пурпуром стоячем болоте.

Наконец они приехали на ферму. Красивую старую помещичью усадьбу окружали амбары и сараи под красной черепицей. Возле дома, подобно геральдическим символам, возвышались два великолепных платана; их стволы поражали невероятной толщиной.

Услышав лай собак, выглянула хозяйка и заспешила им навстречу в сопровождении хорошенькой девушки лет семнадцати, которую она представила как свою внучку Хейзел.

На шестом десятке жизни вдова Бормоти все еще была хороша: высокая, представительная, в ее волосах, без намека на седину, угадывалось не меньше оттенков рыжего и каштанового цветов, чем на клумбе желтофиоли, пламенеющей под солнцем.

Подшли двое мужчин и увели лошадей, а путникам показали их комнаты.

Как и приличествует сыну Верховного Сенешаля, Ранульф предстали лучшей. Она была просторной и уютной. Невзирая на простые ситцевые занавески, неприхотливую деревянную мебель и даже устланный сухим тростником пол, в ней безошибочно угадывались следы прежнего величия, оставшегося с тех времен, когда дом принадлежал не фермерам, а людям благородного происхождения.

Потолок украшала изысканная роспись в пастельных тонах, характерная для архитектуры времен герцога Обри. Точно такой же потолок был в спальне госпожи Златорады в Луде. Она смотрела на него во время родов – так поступали все матери из семейства Шантиклеров, – и цвета, и узоры этого потолка помогали ей преодолевать боль.

Эндимиона Хитровэна поместили рядом с Ранульфом, а Люку отвели большую уютную комнату на чердаке.

Ранульф говорил, что совершенно не устал от дальнего путешествия верхом. Щеки его горели, глаза блестели, и когда вдова оставила его наедине с Люком, он, несколько раз подпрыгнув от восторга, закричал:

– Мне так нравится это место, Люк!

В шесть часов во дворе громко зазвонил колокольчик, вероятно созывая батраков на ужин. Хозяйка успела предупредить их, что ужинают обычно на кухне; поэтому Ранульф и Люк, оба очень голодные, поспешили спуститься вниз.

Кухня была огромной, с тяжелыми каменными сводами. Она тянулась во всю длину дома, и в старину служила залом для банкетов: большой камин, тоже из камня, был украшен горельефами с изображением цветов и арабесок из листьев, повсеместно встречающихся в искусстве Доримара. По обе стороны камина сидели две гигантские медные собаки. Пол был выложен мозаикой из коричневых, красных и серо-голубых плит.

В центре располагался длинный узкий стол; на нем стояли оловянные миски и кружки, предназначенные для батраков и служанок. Те гурьбой только что вошли сюда с лицами, сияющими от недавнего употребления мыла и воды.

Они столпились в дальнем углу комнаты и хихикали, смущенные присутствием новых людей. По доброй старой традиции сельских жителей они садились за стол вместе со своими хозяевами.

Ужин был восхитительный – большущий ароматный копченый окорок с маринованным первоцветом, солонина, пирог с олениной, а в честь именитых гостей – жареный лебедь. Вино из собственного винограда пахло медом и куманикой.

Больше всех за столом разговаривали вдова и Эндимион Хитровэн. Он расспрашивал ее, много ли форели наловили летом в Пестрой, интересовался, какой она расцветки. А вдова рассказывала ему, как недавно вытащили семгу весом в десять фунтов.

Ранульф, молча жевавший все это время, вдруг посмотрел на них с характерной для него улыбкой, которая часто приводила людей в замешательство.

– Это не настоящий разговор, – сказал он – На самом деле вы разговариваете совсем не так. Сейчас вы притворяетесь.

Вдова очень удивилась и, похоже, рассердилась. Но Эндимион Хитровэн весело засмеялся и спросил мальчика, что он называет «настоящим разговором». Однако Ранульф не ответил.

Но Люк Коноплин каким-то образом догадался, о чем говорил Ранульф. Диалог между вдовой и доктором выглядел искусственным; все время чувствовалось, что слова имеют двойной смысл, известный только собеседникам.

Через несколько минут в кухню вошел какой-то сморщенный старичок с очень яркими глазами и сел в дальнем конце стола. И тут Ранульф действительно всех очень испугал: он перестал есть, несколько секунд молча смотрел на старика, а потом вдруг пронзительно вскрикнул.

Все посмотрели на него с удивлением. Он сидел, перепуганный до смерти, с круглыми, широко открытыми глазами и указывал на старика.

– Ну, ну, дружок! – резко крикнул Эндимион Хитровэн. – Что это значит?

– Что вас тревожит, юноша? – забеспокоилась хозяйка.

Но тот все так же молча указывал на старика, который, радуясь тому, что стал центром внимания, самодовольно хихикал и строил глазки.

– Он испугался Портунуса, – засмеялись девушки.

И слова «Портунус, старый ткач Портунус...» зашелестели среди присутствующих, передаваясь из уст в уста.

– Да, Портунус, ткач, – подтвердила вдова, и глаза ее как-то угрожающе сверкнули. – А кто, хотелось бы мне знать, не любит Портунуса?

Девушки опустили головы, а мужчины неодобрительно хмыкнули.

– Ну? – с вызовом произнесла вдова.

Ей никто не ответил, и она возмущенно продолжала:

– А кто самый искусный и услужливый человек на двадцать миль в округе?

Она пристально посмотрела на всех сидевших за столом и, помолчав, повторила свой вопрос.

Нехотя все пробормотали: «Портунус».

– А если сыр не свертывается, или масло не сбивается, или вино не бродит в бочках, кто приходит нам на помощь?

– Портунус, – пробормотала компания.

– А кто всегда помогает девушкам вязать и трепать коноплю, кто умеет мотать кудель и прясть? А когда работа сделана, кто радуется игрой на скрипке?

– Портунус, – эхом отозвалась компания. Вдруг Хейзел подняла глаза от тарелки – в них горел гнев и вызов.

– А кто, – резко закричала она, – сидя у огня, жарит маленьких лягушек и ест их, надеясь, что его никто не видит? Портунус!

С каждым словом ее голос звенел все больше и взлетал, будто устремившаяся ввысь птица. Но когда она произнесла последнее слово, птица, словно ударившись о потолок, вдруг упала замертво. И Люк увидел, как девушка съежилась под холодным и возмущенным взглядом вдовы.

Он заметил еще кое-что.

В Доримаре у йоменов существовала традиция вешать пучок сухого фенхеля над дверью каждой комнаты, так как считалось, что фенхель отпугивает фей. И при жутком возгласе Ранульфа Люк, так же инстинктивно, как в подобных обстоятельствах средневековый монах, осенил себя крестом, взглянув на дверь.

Но у вдовы Бормоти над дверью не было фенхеля!

Мужчины ухмыльнулись, девушки в ответ на вспышку Хейзел переглянулись и наступила неловкая тишина.

– Тем временем Ранульф, казалось, преодолел испуг и снова решительно принялся за ужин. Желая его успокоить, вдова заговорила:

– Попомните мои слова, юный мастер, вы полюбите Портунуса так же, как мы все его любим. Портунусу можно верить, когда он рассказывает, где ловится форель или в каком месте искать птичьи гнезда... а, Портунус?

Портунус захихикал от восторга, а его яркие глаза заискрились еще больше.

– Да, – продолжала вдова, – я знаю его вот уже двадцать лет. Он известен в наших краях как ткач – ходит по фермам, а любая комната с ткацким станком называется у нас «гостиная Портунуса». И за двадцать миль в округе ни одна свадьба, ни одна потеха не обходится без его игры на скрипке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.